

Стенограмма заседания экспертной группы №21 от 28 марта

Валовая Т.Д. Уважаемые коллеги, есть предложение начать наше сегодняшнее мероприятие. Я немного скажу о тех мероприятиях в сфере интеграции, которые прошли за время с нашей последней встречи. Затем А.Н. Спартак расскажет о нашей конкретной экспертной работе, а дальше мы пойдем по подготовленной повестке дня, по проблематике.

Я хотела бы в деталях рассказать об итогах заседания Межгоссовета на уровне Тройки. 15 марта в Минске состоялась встреча трех премьеров – России, Белоруссии и Казахстана. Это было заседание Межгоссовета и оно было очень содержательным и интересным, и очень плотно корреспондирующим с тематикой нашей работы, поскольку на рассмотрение премьеров было вынесено несколько важных концептуальных вопросов дальнейшего интеграционного развития. Было получено, в целом, одобрение по изложенным подходам и достигнуты договоренности как нам идти дальше.

Что бы я хотела отметить среди этих вещей. Первое: мы доложили премьерам предложения и получили их поддержку по вопросу кодификации Нормативно-правовой базы Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). Мне кажется, эта работа самым плотным образом соприкасается с той работой, которую делаем мы с вами. Мы договорились о том, что кодификация означает подготовку нового, базового документа. В качестве рабочего термина мы используем термин «Римский договор», - базовый договор, который будет включать в себя все те 104 международных договоров, которые на данный момент регламентируют базу ТС и ЕЭП.

Необходимость подготовки такого договора обуславливается тем, что эта нормативно-правовая база формировалась начиная с 1995 года, и, несмотря на то, что основной массив за последние 2-3 года, тем не менее есть достаточно много предыдущих документов, которые не всегда полностью соответствуют новым, позднейшим документам, и иногда возникают некие перекрестные сложности в однозначной трактовке тех или иных положений. Кроме того, есть большое количество отсылочных норм. И нам показалось, что на базе этих 104-х документов - не меняя сущности достигнутых договоренностей - нам удастся подготовить единый, понятный, внятный акт.

Одновременно нам предстоит проработать вопросы, касающиеся улучшения институционального функционирования нашего ТС и ЕЭП - как нам создать такой наднациональный орган, который реально будет наднациональным и эффективным. Это еще одна очень важная тема, которую мы обсуждаем на правительственном уровне. Здесь как раз мнение экспертного сообщества, мне кажется, будет исключительно важным, поскольку понятно, что есть один ориентир, на который мы все смотрим – Европейское Сообщество (ЕС), - но, естественно, мы не собираемся механически копировать это ЕС, а брать только основные универсальные принципы.

Вот это два вопроса, которые связаны с законодательной работой уже текущего дня, и здесь все наши наработки по интеграции, мне кажется, могут найти свое отражение в этом готовящемся документе. Поскольку вполне возможно, что помимо тех документов, которые уже приняты, и тех договоренностей, которые будут просто систематизированы и перенесены в новый договор, нам, очевидно, потребуется более точно отразить дальнейшие направления развития интеграции. Я в этом абсолютно убеждена хотя бы потому, что в одном из документов, которые мы должны систематизировать и кодифицировать, направления интеграции обозначены – это договор «О Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» 1999 года. Он достаточно, как говорится, рамочный, но, тем не менее, там эти вещи были прописаны. Нам сейчас предстоит это сделать гораздо более четко, понятно, и это как раз одна из тех тем, которыми мы с вами занимаемся.

Наконец, еще одна тема, которая тоже имеет прямое отношение к работе нашей группы – это начало работы по унификации паспортно-визовых режимов. Это очень серьезная тема, и когда мы готовили информацию, доклад к заседанию премьеров, она вызывала достаточно бурную дискуссию, в том числе и среди наших различных министерств и ведомств, потому что понятно, что тема эта очень сложная и к подготовке нашего «Шенгена» надо подойти очень ответственно и серьезно. При этом, когда мы смотрели плюсы и минусы решения этой задачи именно сейчас, пришли к выводу, что, в общем-то, минусов нерешения этих задач, пожалуй не меньше, чем если мы не будем решать эту задачу, а отложим ее на завтра. Поскольку уже сейчас у нас существует совершенно свободная, открытая граница между Россией и Белоруссией, которую мы, конечно же, никоим образом не собираемся закрывать, но, тем не менее, у нас нет необходимой для этого ни информационной, ни нормативно-правовой базы, касающейся сотрудничества в ряде ключевых вещей. Премьерами было принято решение о том, что мы такую экспертную работу на уровне министерств и ведомств трех наших стран начинаем. То есть это тоже очень важный интеграционный блок, который касается как передвижения физических лиц, так и передвижения рабочей силы - то есть одного из элементов ЕЭП.

Вот, пожалуй, один из важнейших итогов этого заседания, но есть еще один момент, к которому тоже хотелось бы привлечь внимание, поскольку он комментировался как в Минске, так и позднее. Он имеет отношение к более внешнему контуру нашего ЕЭП и ТС. Я имею в виду обсуждение того, каковы будут контуры этого ТС. Это вопрос, связанный с налаживанием интеграционного взаимодействия с Украиной. Здесь тема находится в самом-самом начале, нам предстоит вместе с украинскими экспертами тоже поработать над этим направлением и понять какова их заинтересованность и каковы их преимущества. Но у нас, наверное, с вами как у экспертов тоже есть возможность чисто экспертно оценить, во-первых, преимущества, плюсы и минусы интеграционного взаимодействия как для ТС, так и для Украины, и одновременно рассмотреть через эту призму другую тему, которая у нас с вами тоже обозначена, - это ЕС. Взаимоотношения с ЕС, перспективы создания преференциальной зоны свободной торговли между нашим ТС и ЕС.

Эти темы мы уже обсуждали в достаточно практическом ключе как в ходе заседания Правительства РФ и Комиссии ЕС, которое состоялось 24 февраля 2011 года в Брюсселе, так и в ходе контактов с нашими украинскими коллегами на уровне контактов наших вице-премьеров. Получается достаточно любопытно: мы еще некоторые экспертные доработки с вами даже и не сделали, а уже практически их обсуждаем, потому что жизнь идет настолько быстро, что нам приходится их делать. И коллеги, которые присутствовали на заседании 15 марта подтвердят, что когда я там докладывала два вопроса, я как раз и говорила, что мы сейчас ведем большую экспертную проработку по всем этим вопросам, и нам кажется, что здесь действительно очень важно не упустить время.

Вот, что я хотела рассказать по тем вопросам, которые обсуждались на правительственном и межправительственном уровне, а по работе экспертных групп уже продолжит Андрей Николаевич.

А.Н. Спартак: Коллеги, первое, что я хочу сказать: у нас действительно особая экспертная группа, где события развиваются стремительно, за ними сегодня успевают лишь несколько наших экспертов – прежде всего, Татьяна Дмитриевна, которая в значительной степени определяет ход этих событий. Тем не менее, у нас огромный объем работы, мы эту работу начали, сделано достаточно много и я сейчас коротко расскажу об этом. Но прежде я еще раз хотел отметить, что у нас, прежде всего, собрание экспертов, и присутствие нескольких чиновников высокого уровня только подчеркивает значимость и важность нашей группы, но не более того, поскольку здесь они выступают как эксперты. Поэтому я говорю это и с точки зрения свободы высказываний любых мыслей, как у нас и

было на первом заседании и на последующих заседаниях. И второе – чтобы вы чувствовали себя более свободно и наше сегодняшнее заседание было более непринужденным.

По поводу работы нашей группы. Это второе расширенное заседание нашей экспертной группы, было еще 4 заседания в более узком составе – в формате подгрупп. По результатам работы за прошедший период мы подготовили доклад для представления руководителям экспертной работы и для дальнейшего представления в правительство, и более широкую его версию, и более узкую версию, поскольку там требовались разные форматы. Кроме этого члены нашей экспертной группы приняли участие в ряде крупных мероприятий, например: в конференции, посвященной 20-летию создания СНГ, которая недавно проходила. Члены группы не просто сделали доклады, но и выступили в качестве ведущих тех или иных секций на этой конференции, которая была организована Исполкомом СНГ и Деловым советом СНГ. Ряд экспертов нашей группы приняли участие в конференции, которая была посвящена роли внешнеэкономических связей в модернизации российской экономики и прошла в Плехановском университете. Соответственно, мы везде говорим о проблематике СНГ, о стоящих в этой области задачах и путях их решения.

Нашей экспертной группой был подготовлен – вы знаете об этом, но я хочу специально подчеркнуть – ряд совершенно конкретных документов. То есть не просто доклад с основными направлениями деятельности, развилками, которые мы видим на пути дальнейшей экономической интеграции на пространстве СНГ, но и ряд конкретных документов, а именно - проектов соглашений по вопросам регулирования трудовой миграции. У нас отличилась группа, которая занимается вопросами регулирования и совершенствования регулирования трудовой миграции. Мы здесь в раздаточном материале эти проекты специально положили, чтобы вы видели, что у нас, как и в СНГ, наблюдается разноскоростное движение вперед по пути составления окончательного доклада, и кто-то уже вырвался вперед. Но это нормально, это хорошо, и мы будем стараться подтягиваться за лидерами.

Я буквально два слова скажу по поводу содержания нашего доклада, потому что практически все его видели, вносили свои комментарии. Значительную часть комментариев мы учли, но сейчас пока в ограниченном формате, поскольку сам итоговый документ тоже предполагал сжатое изложение нашей позиции. Здесь на странице 21 – это наша 21-я экспертная группа в виде дайджеста на самый высокий уровень в итоге были представлены на сегодняшний день результаты работы экспертных групп. Вот, коротко по нашей по нашей группе.

У нас ни у кого нет сомнений, что интеграционный выбор и выбор тех форматов интеграции, который состоялся, – верный. Другое дело, что их надо совершенствовать и развивать. Мы наметили целый ряд развилок, которые реально существуют у нас на пути дальнейшей интеграции, наибольшая часть этих развилок касается будущей интеграции в формате ТС-ЕЭП и ЕврАзЭС, поскольку это просто разные звенья одной цепи, движения в одном направлении. Развилки, связанные с возможностями расширения ТС-ЕЭП – здесь есть принципиально разные возможности, которые нам необходимо предусматривать, поскольку и потенциальные партнеры нашего интеграционного объединения тоже разные: для кого-то подойдет полное членство, а для кого-то подойдет более мягкий вариант участия в соглашении о ЕЭП. Развилки, связанные с углублением интеграции и созданием валютного союза, – у нас, наверное, сегодня будет специальное небольшое выступление по этому вопросу. Развилки, связанные с формированием модели наднационального регулирования в ЕврАзЭС, – может быть, сегодня мы скажем несколько слов об этом, поскольку, в основном, этот вопрос тоже сейчас находится в активной разработке: какую модель функционирования наднациональных институтов мы изберем. Немного, может быть, поговорим о бюджете, потому что бюджет – это как и у нас в стране, так, я думаю, и применительно к интеграционному объединению, важнейший инструмент реализации

функций, возложенных на интеграционное объединение. Есть определенные развилки в отношении будущего ЕврАзЭС и Союзного государства России и Белоруссии: понятно, что эти институты еще не исчерпали свой потенциал и на ряде направлений могут принести существенную пользу нашему общему интеграционному процессу, но так же понятно то, что значительная часть функций, которая была раньше свойственна этим двум объединениям, переходит либо на уровень ТС-ЕЭП, либо решается в формате всего СНГ. Видимо, это будет плавная, взаимосбалансированная эволюция четырех интеграционных контуров, существующих на сегодняшний день на пространстве СНГ, и постепенно видимо, вектор будет все более приобретать двухуровневый характер: это ТС-ЕЭП и Содружество в целом.

Мы отдельно рассматриваем интеграционный контур СНГ, поскольку понимаем, что возникновение слишком большого отрыва в динамике, уровнях интеграции на постсоветском пространстве в целом и в рамках ТС-ЕЭП – это не совсем правильно, и по возможности, с учетом того, что делается в ТС и в ЕЭП, надо стремиться подтягивать уровень интеграционного взаимодействия и в масштабах всего Содружества к уровню, достигнутому в рамках нашего интеграционного ядра. Это непросто, но сейчас первый шаг сделан и он, видимо, будет завершен в разумное время – это подписание Договора о зоне свободной торговли СНГ – фактически многостороннего соглашения о свободной торговле в СНГ. И, мы надеемся, последуют дальнейшие шаги, в частности в области регулирования трудовой миграции, что для СНГ является очень чувствительным и важным вопросом.

Также мы не можем не задумываться о будущем форматах многосторонней зоны в СНГ. Хотя сейчас, может быть, еще рано - Договора о зоне свободной торговли СНГ нет, но с учетом тех темпов, которые мы набрали, и динамики процессов, которые вокруг нас разворачиваются. Я имею в виду, в том числе быстрый прогресс по пути создания Транстихоокеанского партнерства с участием США, еще восьми стран, подтягиванием туда Японии, активно интересующимся этим процессом Китаем – вот с учетом всего этого мы, конечно, должны думать и о будущем формате нашей многосторонней зоны в СНГ. Ограничимся мы только знакомыми участниками - членами Содружества - или предложим нашим ближайшим странам – той же Монголии, или Сербии, – поучаствовать в такой зоне. И формат: мы на длительный период задержимся на этапе многостороннего регулирования только торговли товарами или сумеем постепенно двигаться вперед, опять же учитывая наработки и достижения в рамках ТС-ЕЭП.

Татьяна Дмитриевна об этом сказала, очень важный контур – это внешний контур интеграции: все-таки, создание полноценного Евразийского экономического союза, даже в формате "тройки" и потом валютного союза трех стран можно рассматривать как конечную цель интеграции. Но в рамках тех геоэкономических и геополитических процессов, которые разворачиваются в мире, наверное, это будет не совсем правильно, и нам нужно учитывать возможности выстраивания внешнего контура этой интеграции – создания Евразийского экономического пространства с участием в качестве двух ядер ТС и ЕС, и других стран СНГ, стран ЕАСТ (*Европейская ассоциация свободной торговли*), возможно – других государств, которые бы подтягивались к этой активной зоне интеграции...

Ф.Г.Габуня: Спасибо, Андрей Николаевич. Я воспользуюсь вашим предложением выступить здесь в качестве эксперта. Так что все, что скажу, - это мое личное мнение. На самом деле, Татьяна Дмитриевна рассказала о ключевых решениях, которые были приняты. Поэтому, с вашего позволения, я перейду сразу к проблемам. Действительно наднациональный орган – это ключевая вещь для того, чтобы тот пакет соглашений, те нормы, которые мы заложили, начали работать. Без нормального независимого профессионального механизма принятия решений, который мог бы работать автономно,

пускай с различными вариациями, как принимают решения, у нас просто ряд ключевых вещей, например, в сфере конкуренции, которая задает базовые правила работы нашего общего рынка, они работать не будут.

При этом им предлагаются действительно подходы диаметрально разные - от того, чтобы ничего не менять, усилить аппарат в связи с появлением новых тем, сфер подготовки проектов решений комиссии, а все остальное оставить на страновом уровне, и, заканчивая, наоборот, созданием такого, я пошучу, политбюро на уровне троих, которое будет независимым, выше всех на свете, принимать решения как хочет. И предложения даже доходили до того, что максимум, что может сделать комиссия ТС – это консенсусно отменить решение, принятое наднациональным органом.

Во-первых, нет ясности даже с подходом к принятию решения, степенью независимости этого органа, который может быть, ни по процедурам, ни по составу. В моем понимании, как правильно сказала Татьяна Дмитриевна, надо смотреть на опыт Евросоюза как наиболее передового, ушедшего вперед, но все это адаптировать под наши реалии. Мое мнение, главное - идти постепенно, потому что скачкообразно мы можем натворить много бед, эта идея сама себя дезавуирует. На национальном уровне просто решения, принятые этим органом, не будут исполняться. И все это, наоборот, откатится назад.

О суде здесь Наталья Ивановна много говорила. Это второй этап – уже разрешение споров, в том числе и по отношению к решениям, принятым этим наднациональным органом, что важно. И второй большой блок проблем, который я лично вижу, - это имплементация в национальном законодательстве тех решений, которые мы зафиксировали в базе соглашений, формирующих ЕЭП.

Я не могу сказать, что до конца понимаю масштаб этой работы, которая в целом должна произойти в нашем интеграционном пространстве. Если говорить о Российской Федерации, то мы примерно представляем себе, как это должно выглядеть и как мы будем исполнять эти обязательства. А говоря о наших партнерах, тут работы крайне много. Например, в Белоруссии вообще отсутствует такое понятие, как конкурентное законодательство, его нет как класса.

Соответственно, реальная имплементация в жизнь тех норм, которые у нас прописаны в соглашениях, - это очень серьезный вектор. Например, нам необходимо разработать еще 70 документов разного уровня: 13 международных договоров, которые детализируют то, что мы приняли в 17 соглашениях. В первую очередь, это касается линии по интеграции в сфере движения капитала, финансовых рынков, валютной политики, где на предыдущем этапе мы, надо честно признать, не смогли придти к конкретным параметрам норм соглашений. Это было, таким образом, отложенное действие на более поздний период. Заканчивая уже документами, которые носят больше методологический характер, но при этом являются крайне важными. Это соглашение о параллельных работах между субъектами рынка электроэнергии. Это вопросы конкретных методик допуска железнодорожных перевозчиков к нашей инфраструктуре и т.д., и т.д.

Действительно был такой прорыв, те положения, которые мы заключили в этих соглашениях в декабре, носят прямой характер, абсолютно четко обозначают ту договоренность, которую мы достигли. Но если сейчас по какой-то причине будет потеряна некая интенсивность этого процесса, то на этапе подготовки документов следующего уровня, мы можем наткнуться на определенное сопротивление наших, в каждой стране национальных органов. И даже не в том смысле, что они выступают против интеграции, преследуют корыстные интересы. Нет. Просто их святая обязанность думать об интересах сугубо национальных.

Я не очень представляю себе, как Федеральная антимонопольная служба будет подготавливать какие-то решения, методики, которые, по сути, предлагают ей отказаться от контроля за рядом позиций, за которые она несет ответственность. Она должна будет, простите за такое выражение, сама себе начать отрезать руки. Поэтому в организации процесса разработки этих документов ряд вещей, я считаю, должны быть выведены на

наднациональный уровень, возможно, на создание аналога Еврокомиссии, который должен, заботясь об интересах сообщества в целом, искать этот баланс.

Потому что при сохранении системы, когда соглашения разрабатываются национальными органами, будут доминировать национальные интересы. И если при подготовке 17 соглашений каждое соглашение можно было "вытаскивать" на очень высокий уровень и там принимать политические решения, то при подготовке 70 документов это по определению невозможно. Поэтому особенно в этой части, мне кажется, предстоит большая работа. Предложения экспертов о том, как действительно выстроить эту работу по формированию уже на практике реального общего рынка, по крайней мере, движения к нему, мне лично были бы очень интересны. Спасибо.

А.Н.Спартак: Спасибо, Филипп Георгиевич. У нас действительно возникает очень много вопросов, и очень хорошо, что вы как эксперт их озвучили. Как все это на практике будет функционировать. Мы, в общем-то, идем путем пока неизведанным. Хотя Евросоюз и есть, но это другая реальность, другое время. И лишь, наверное, самые общие вещи и построения мы можем использовать. А так это что-то новое, тем более нам добавляется дилемма – у нас реинтеграционный проект или интеграционный? Реинтеграционный проект в мировой практике, может, где-то и был, но, его, наверное, не было в том понимании, что есть у нас. Ведь мы даже при тех невысоких уровнях сотрудничества и так переторговываем против расчетных уровней и получаем их путем экономического моделирования. То есть это все наша реинтеграционная реальность. Это тоже привносит свои особенности.

Знаете, я хотел бы сформулировать несколько в виде вопросов экспертам из органов власти, присутствующим здесь, и поделиться двумя наблюдениями. У нас история началась с 1 января 2010 года, такая реальная интеграционная история, и уже есть целый ряд критических вопросов и проблем, которые возникают и с которыми нам, видимо, надо будет работать, что-то в этом отношении делать. Насколько я понимаю, часть проблем (хотя опять же это тоже неоднозначно) снимет создание органа по решению споров. Потому что возникает масса вопросов, кто должен толковать наднациональное законодательство, кто должен выносить решения по коллизиям национального и наднационального, плюс еще хозяйствующие субъекты, очень много всего. Но будем надеяться (правда, это отдельная тема нашей работы)... Правильно Татьяна Дмитриевна сказала, что эти вопросы будут решаться в рамках создаваемой структуры.

Второй вопрос, который тоже прозвучал, и очень эмоционально, на мероприятии, посвященном 20-летию СНГ... Мы делаем сейчас в общем совершенно правильную вещь, готовясь к перенесению внешней границы ТС на внешнюю границу Казахстана. Внедряем там как бы цивилизованный таможенный контроль. Но поскольку там раньше ничего подобного не было, и границы Казахстана с центрально-азиатскими соседями были в значительной степени прозрачными, то та же Киргизия воспринимает это (это прозвучало в речи представителя бизнеса Киргизии) как существенное ухудшение условий сотрудничества для себя в связи с созданием ТС. Именно в связи с созданием ТС. Хотя мы делаем вроде то, что должны были делать. Просто то, что было раньше, - это неправильно, но для них это существенное ухудшение условий. И они (я статистику не смотрел) по крайней мере, как говорил выступающий, в существенной степени переориентировались в этой связи на сотрудничество с Китаем.

Потому что эти дополнительные процедуры, которые появились на границе, киргизский бизнес считал неприемлемыми или малопримлемыми. Это тоже вопрос. То есть создание ТС нашими партнерами иногда воспринимается как ухудшение их сотрудничества со странами-членами ТС, их экономического положения. И здесь какие-то

асимметрические инструменты компенсации, возможно, надо было предусматривать. Я не представлял этого до национального выступления, возможно, оно отражает только часть правды...

Н.И.Самойлова: Андрей Николаевич, еще украинцы не выступали.

А.Н.Спартак: Да, да (смеется). Я имею в виду, по крайней мере, по отношению двух наших потенциальных партнеров – Киргизию и Таджикистан. Все равно какие-то программы адаптации нужны. И, возможно, их надо было бы (правда, это тоже наше дело посмотреть, что надо было делать) запускать уже сейчас.

Н.И.Самойлова: У меня в этой связи... Это совершенно правильная тема – обустройство границы. Как раз то, о чем я говорила в самом начале – у нас критически мало времени для того, чтобы понять, где у нас внешний контур ТС на ближайшие 5 лет. Или действительно закрывать плотно границу с Киргизией и закрывать границу с Украиной. Причем, мы нашим украинским коллегам откровенно говорим, что у нас 4 тысячи таможенников уходят с российско-казахстанской границы. Их уже распределили на другие назначения. Может, их придется на российско-украинскую границу выводить. И эта тема очень важная.

Но для того, чтобы нам принимать решения... Киргизы заявления о присоединении к ТС давали. Там даже до всех предыдущих событий начинала работать рабочая группа. Возможно, в ближайшее время они опять скажут: «Возьмите нас в ТС, не закрывайте границу». Но действительно эксперты должны посчитать, насколько это возможно и где здесь плюсы и минусы. Потому что, если мы увидим, что да, то нам выгоднее сейчас адаптировать Киргизию к нашим нормам, потратить определенные деньги на то, чтобы там закрыть границу. Узбекистан и Туркменистан со своей стороны все закрыли колючей проволокой. Там проблем нет. У нас проблема с Киргизией и еще проблема с Украиной, которая есть потенциально.

Поэтому я призываю посчитать. Все эти вещи мы можем сказать уже после этого. Если мы с чистой совестью можем им сказать: «Ребята (тогда это будет уже откровенно), мы не будем давать вам никаких дополнительных преференций, но вступайте в ТС». Если мы уверены, что от этого выиграет ТС. Если мы не увидим, что от этого ТС выиграет, тогда другая развилка – давайте подумаем, как не обижать Киргизию.

А.Н.Спартак: Наталья Ивановна, у меня еще к вам вопрос в связи со сбором таможенных пошлин, в связи с изменением методики. Таможенные органы буквально на днях жаловались на то, что мало денег поступает из Казахстана. Относительно меньше, чем предполагалось, в общий котел направляет казахстанская таможня. Казахстан говорит, что произошло существенное уменьшение объемов импорта в Казахстане. Мы знаем, что национальные статистические органы могут быть достаточно свободными в таких подсчетах, в то же время по косвенным признакам... У нашей таможни, насколько я понимаю, тоже широкие возможности. Они считают, что импорт, наоборот, увеличился. И уменьшение платежей не отражает действительность. Здесь есть какая-то серьезная проблема?

Н.И.Самойлова: Андрей Николаевич, я, конечно, не могу вот так сходу опровергнуть то, что говорит ФТС (*Федеральная таможенная служба*). На прошлой неделе я смотрела материалы комиссии ТС, на этом заседании как раз будут обсуждаться итоги работы за полгода, механизмы зачисления, распределения ввозных таможенных пошлин. И, честно говоря, я там не увидела понижения. Действительно сначала в сентябре был всплеск. Понятно, что Россия, естественно, перечисляет больше, чем получает. Был дисбаланс, он

начинает снижаться. Но то, что резко снизился импорт Казахстана и Белоруссии, этого я не видела по цифрам. Действительно рост идет у всех, каждый, конечно, из кризиса выходит по-разному. Но то, что Казахстан... У него очень сильно, резко возросли ввозные таможенные пошлины, мы подняли их тариф от того уровня, что был, на 60%. Но у них нет уменьшения импорта, он у них растет.

А.Н.Спартак: Я так понимаю, мы сможем узнать из первых рук на следующем нашем заседании. Уже будет информация.

Н.И.Самойлова: Да, эти цифры есть. Может быть, сейчас они предварительные. Но на заседание комиссии этот отчет будет представлен, он делается на основе... У нас есть соответствующие документы, которые присылаются из таможенных органов и из банков и т.д. Все подтверждающее, все, что куда пришло, сколько перечислили. И, в общем-то, у нас за этим строго следит комиссия ТС, у нее есть такие полномочия отслеживать, как работает механизм. Я думаю, что они имели в виду, видимо, все-таки это отрицательное сальдо по сравнению с тем, что Россия...

То, что отрицательное, это все понятно. Я думаю, скорее всего, это с этим связано. Но то, что рост по импорту идет во всех странах, это в общем-то... Но показательным был действительно сентябрь, там был очень резкий всплеск. Сейчас это чуть-чуть сближается, но, в общем-то, цифры у всех достаточно неплохие.

А.Н.Спартак: Спасибо, Наталья Ивановна. Мы и дальше будем пытаться как-то обострить ситуацию, потому что есть проблемы. Их действительно достаточно много. И успехов много.

Реплика: Андрей Николаевич, можно, я кое-что хочу уточнить. Дело в том, что два года назад мы делали для Росграницы стратегию государственной политики в сфере обустройства государственной границы РФ. Там возникло очень много проблем. Мы считали таможенные посты, пункты пропуска – то, что надо. Но проблема возникает еще с пограничными пунктами пропуска. Что делать с ними? Пограничники настаивают на том, чтобы все-таки оставить пограничников на границе России и Казахстана. В принципе обустраивается граница. Таможенников мы переносим на внешнюю границу, а пограничников оставляем. То есть понимаете, какой тогда смысл? Тут пограничники будут смотреть, а там таможенники.

Н.И.Самойлова: Как я вначале сказала, 15 марта мы докладывали нашим премьерам по указанию президентов предложения о возможности начала работы по унификации паспортно-визового режима. И премьеры это решение поддержали. Мы начинаем эту работу, конечно, она займет не год и не два, это достаточно длительная работа. Она включает визовой, правоохранный, миграционный, информационный и прочие блоки. Но задача создание «Шенгена» и снятие пограничного контроля, в том числе с российско-казахстанской границы. Его уже нет на российско-белорусской границе. Мы считаем, что его не должно быть и на российско-казахстанской границе. То есть с российско-казахстанской границы уйдут все.

Реплика2: Но пока деньги выделяются на обустройство пограничников. И большие деньги.

Н.И.Самойлова: Нет, нет. Эту тему как раз обсуждают постоянно, потому что при понимании, что с этой границы уйдут все, выделять деньги в прежних объемах, конечно, нецелесообразно.

А.Н.Спартак: Спасибо. Давайте еще несколько тем обсудим коротко. Я все-таки сейчас дал бы слово представителям подгруппы по трудовой миграции. Они очень хорошо поработали. Причем, эту работу мы ведем с прошлого года частично. Действительно, здесь очень много интересных вопросов. Наталья Ивановна Власова, заместитель руководителя Фонда «Миграция XXI век». Пожалуйста.

Н.И.Власова: Действительно наша подгруппа подготовила несколько проектов соглашений. Подготовка этих проектов соглашений была обусловлена наиболее существенными актуальными проблемами, которые характерны для СНГ. Прежде всего, в связи с тем, что с 1 января 2010 года были отменены отчисления работодателей в Фонд обязательного медицинского страхования за тех трудовых мигрантов, которые осуществляют трудовую деятельность в РФ, возникла проблема с оказанием им нормальной медицинской помощи.

В связи с этим нашей подгруппой был разработан проект соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в вопросах медицинского страхования трудящихся мигрантов и членов их семей. В настоящее время данный проект соглашения находится на рассмотрении в Министерстве экономического развития. Департамент, который занимается вопросами медицины, его рассмотрел, внес туда свои замечания, все они были нами учтены. И сейчас он находится на рассмотрении в правовом департаменте.

Второе соглашение, необходимость которого также обусловлена проблемами, которые существуют в сфере профессиональной подготовки кадров. Как вы знаете, во время существования Советского Союза была единая система подготовки кадров, были единые программы подготовки кадров и единый документ об окончании, о получении профессии, специальности в том или ином учебном заведении любой из республик Советского Союза.

С развалом Советского Союза государства стали вводить свои программы профессионального обучения и профессиональной подготовки кадров, и сейчас дистанция между Россией и этими государствами в вопросах подготовки кадров все время увеличивается. Но при условии создания интеграции наших государств эти вопросы приобретают все большую актуальность. Поэтому нашей рабочей подгруппой был подготовлен еще один проект соглашения о сотрудничестве государств СНГ в вопросах профессиональной подготовки, переподготовки трудящихся-мигрантов по профессиям, специальностям, востребованным на рынке труда государств-участников СНГ, а также сертификации их профессиональных навыков. Вопрос сертификации профессиональных навыков был не случайно включен в этот проект соглашения, поскольку многие трудовые мигранты из стран государств СНГ работают в России в течение многих лет и получили какие-то профессии и специальности, но не имеют документа, подтверждающего, что они могут работать по той или иной профессии или специальности, и поэтому создание таких центров сертификации профессиональных навыков очень актуально как для самих трудовых мигрантов, так и для российских работодателей, которые, принимая на работу трудового мигранта, прошедшего сертификацию, будут уже знать, на что они могут рассчитывать. Кроме того, нами был подготовлен проект концепции соглашения о сотрудничестве государств участников СНГ в вопросах пенсионного обеспечения временно прибывающих трудящихся мигрантов, включая разработку единого документа, подтверждающего их трудовую деятельность. Необходимость разработки этого соглашения также обусловлена тем, что с 1 января 2010 года отчисления работодателей в Пенсионный фонд прекращены. И поэтому встает проблема: как же эти трудовые мигранты будут получать пенсию за те годы, что они проработали в РФ. В то же время разработка единого документа, подтверждающего их трудовую деятельность, предусмотрена одним из соглашений между участниками СНГ, которое было принято еще в середине 90-х годов, но до настоящего времени не реализовано.

Наш проект соглашения был направлен на рассмотрение в Минздравсоцразвития, мы получили некоторые замечания от соответствующего подразделения, их учли, но, к сожалению, ответа на то, надо ли все-таки разрабатывать такое соглашение, мы до сих пор не получили. Поэтому все здесь закончилось только на этапе подготовки проекта концепции. И еще нашей рабочей группой было внесено предложение, которое вошло в план работы, - о разработке соглашения о сотрудничестве государств СНГ в вопросах организованного привлечения иностранной рабочей силы. Вы все прекрасно знаете, что при столь значительных объемах трудовой миграции, которая на пространстве СНГ составляет порядка 10 миллионов человек, она происходит, в общем-то, стихийно. И поэтому, уже в течение 5 лет ведутся разговоры о необходимости привлечения трудовых мигрантов в организованном порядке. Однако директор ФМС Константин Олегович Ромодановский написал письмо на имя Шувалова о том, что ФМС России проводит эту работу на основе двусторонних соглашений, и разработку единого многостороннего соглашения между государствами СНГ по данной проблематике он считает нецелесообразным. Игорь Иванович, к сожалению, с ним согласился, но вот опыт работы в данной сфере говорит о том, что все-таки, наверное, необходимость в разработке такого документа остается очень актуальной. Потому что в настоящее время те двусторонние соглашения, которые ФМС России заключает с различными государствами, сводятся в основном к тому, чтобы в организованном порядке привозить в Россию группы, одну или несколько групп трудовых мигрантов, и они здесь осуществляют трудовую деятельность. Однако никакой системы в этой работе, механизмов, как это нужно сделать, до сих пор не разработано. Поэтому наша группа вносит предложение о том, чтобы продолжить работу над проектом соглашения по организованному привлечению иностранной рабочей силы. С какой я просьбой хотела бы обратиться к участникам нашей группы. Во-первых, нужно активизировать работу по рассмотрению тех проектов соглашений, которые уже нами разработаны, потому что соглашение по медицине было нами направлено в Минэкономразвития сразу после январских праздников, но до сих пор оно из стен Минэкономразвития не вышло. Соглашение по профессиональной подготовке в середине февраля было направлено, до сих пор ответа не получили, и когда мы связались с исполнителем в Минэкономразвития, он сказал, что «оно там где-то ходит в стенах Минэкономразвития, даст мне начальник директор департамента его куда-то еще направить, я направлю, нет — значит, не буду». Вот такой ответ. То есть понимаете, в общем-то работа проведена огромная, и эти два документа очень востребованы, но вот такое отношение чиновников к этим документам, конечно, оно вызывает у нас уныние. Потому что действительно нужно быстрее их отрабатывать. Я хочу сказать, что в связи с созданием единого экономического пространства как раз появляется возможность выбрать эти государства - Россию, Казахстан и Белоруссию в качестве полигона для отработки тех моделей, которые предусмотрены в наших соглашениях. Что б мне еще хотелось сказать? Что одной из основных задач в сфере интеграции трудовой миграции является продвижение к созданию общего рынка труда и единого миграционного пространства на территории государств Содружества. Но для того чтобы эту работу проводить более эффективно, нужно подумать о создании какой-то наднациональной структуры, потому что существует рассогласованность миграционной политики между государствами, которые направляют трудовых мигрантов, и государствами, которые их принимают. А у нас таких три: это Россия, Казахстан и Белоруссия. И вот в качестве такой наднациональной структуры мы бы полагали целесообразным рассмотреть возможность создать специальную миграционную комиссию. Некоторые могут мне возразить, что зачем, мол, создавать какую-то комиссию миграционную, когда существует Совет руководителей миграционных органов государств СНГ, но я должна ответить на этот вопрос тем, что данный Совет руководителей миграционных органов государств СНГ занимается чисто миграционной проблематикой. А те задачи, которые стоят в сфере

интеграции мигрантов на пространстве СНГ, выходят за рамки чисто миграционных проблем, они связаны с проблемой подготовки кадров, с проблемой социальной защиты трудовых мигрантов, проблемой их адаптации и интеграции на территории и так далее, таких проблем можно перечислить значительное множество. Поэтому нужно подумать о том, что здесь можно было бы создать. И вот, на мой взгляд, прообразом такой наднациональной структуры может являться созданная по инициативе Всемирного Банка в 2009 году сеть практиков и экспертов в сфере денежных переводов и трудовой миграции на пространстве СНГ, участниками которой в настоящее время являются 9 государств, в том числе и Россия. И основными задачами этого сообщества практиков является как раз и совершенствование методологии учета трудовых мигрантов, и учета денежных переводов, которые производят трудовые мигранты. Продвижение к единому миграционному пространству и совершенствование управления миграционными потоками. Нужно отметить, что уникальностью этой сети является то, что, помимо государственных служащих, она включает также научное сообщество и представителей гражданского общества. В вопросах миграции без представителей гражданского общества в принципе невозможно решать никакие проблемы. Вот коротко, что у нас сделано, какие проблемы стоят. Конечно, говорить можно очень много, но лучше нужно больше делать. Спасибо.

А.Н.Спартак. Пожалуйста. Спасибо большое. Давайте, давайте.

Реплика 1. Руководитель факультета инновационной экономики, Финансовый Университет. Спасибо за доклад, но у меня вопрос по вашему же соглашению. Первый вопрос все -таки по терминам. Если вы называете "профессиональная подготовка", то здесь указана на мой взгляд, некорректная формулировка: «группа работ, не сопровождающаяся повышением образовательного уровня обучающегося». Если мы говорим о слове подготовка, то какой-то навык, прокомментируйте. По профессиональной переподготовке, - все-таки о каком сегменте мы говорим? Среднее профессиональное образование, высшее, научные кадры. Потому что вот Украина, например. Есть проблема с нострификацией наших дипломов, ученых я имею в виду. И таким образом, мне кажется, наверное, правильнее показать все-таки, в каких сегментах какого образования мы будем формулировать. Почему? Потому что статья 20, ну вы может быть, прокомментируете, говорит о квалификационном паспорте, что это. Получается, что никаким образом дипломов и никаких удостоверений о повышении квалификации, принятых в нашей системе, не будет, а будет что-то другое. Можете прокомментировать? Спасибо

Н.И.Власова: Профессиональная подготовка и переподготовка трудящихся мигрантов прежде всего касается сферы начального, среднего и среднего профессионального образования, потому что подавляющее большинство трудящихся мигрантов из государств СНГ именно привлекаются на неквалифицированный, низкоквалифицированный труд, часть очень незначительная – на квалифицированный труд. Что касается создания квалификационного паспорта, то он будет предназначен только для тех трудовых мигрантов, которые будут в сертификационных центрах подтверждать уровень имеющихся у них профессиональных навыков для дальнейшей работы. На остальных будут получать дипломы или сертификаты установленного единого образца.

Реплика 2. Вопрос прокомментирую Во-первых, спасибо за хорошую содержательную проделанную работу по этой группе. Действительно, миграционная группа сейчас – одна из важных. Значит, я хотела бы вас попросить по двум темам. Первое, действительно уже понятно, что нам надо наши экспертные предложения делать применительно к двум кругам взаимодействий. Первый – это СНГ, второй – это тройка ЕЭП - таможенный союз.

То, что мы говорили по миграции в широком смысле этого слова и вот подготовленное вами соглашение, это, естественно мы рассматриваем применительно ко всему СНГ, и здесь, действительно, мне кажется очень важная тема подготовки и переподготовки мигрантов, только что мы с коллегами из Россотрудничества эту тему затрагивали. Потому что, действительно нам наши коллеги во многих странах, прежде всего в Киргизии, Таджикистане часто говорят, что вы дайте нам государственный заказ для наших ПТУ, и мы будем вам поставлять квалифицированную рабочую силу. И действительно, нам хорошо бы понимать, какой будет уровень этой рабочей силы и насколько легко этим ребятам с дипломами ПТУ, допустим, Бишкека, будет устроиться на хорошую работу на каком-то предприятии. Это, мне кажется, действительно очень важная тема и я знаю, что Россотрудничество это близко принимает к сердцу. Может это соглашение с ними тщательно проработать, а затем только переходить к чисто формальной процедуре согласования, поскольку для них это действительно очень интересно. Второе, то, что вы говорили о единой миграционной политике. Мне кажется, это надо отдельно и хорошо серьезно проработать, потому что это связано с тем, что мы уже говорили по унификации паспортно-визового режима. Один из этих элементов – это единая миграционная политика. То есть Россия, Белоруссия, Казахстан, мы являемся странами, принимающими мигрантов, практически друг к другу мы не выезжаем, и для нас очень важно сделать вот эти наработки по единой миграционной политике. Причем когда я проводила рабочую группу по подготовке доклада для премьера, выяснилось, что действительно, нужна унификация политики реадмиссии, и масса, масса всего. Честно говоря, я была бы очень признательна, если бы вы занялись этой работой с такой экспертной точки зрения. Что, если допустим, Россия, Белоруссия и Казахстан начнут снимать паспортный контроль, как это скажется на нашей унификации в сфере миграции. Какие нам нужны соглашения, о чем нам надо договариваться, и так далее. И третий комментарий в отношении наших федеральных органов исполнительной власти. Сейчас в миграционной сфере очень много меняется. Сейчас Игорь Иванович проводит, я к сожалению, не имела возможности, не было времени, была в командировке, быть на последнем заседании миграционной комиссии, там в общем они готовят совершенно как бы революционные новации по сфере миграции, которые могут действительно существенно все поменять. Поэтому я думаю, позиция наших министерств и ведомств может быть отзывчивой после всего этого, чем она есть сейчас. Так что будем над этим работать.

Н.И.Власова: Я знакома с теми наработками, которые в комиссии Шувалова будут рассматриваться на этой неделе. Завтра, по-моему, у них должна быть комиссия, будет рассматриваться концепция государственной миграционной политики. Ну, кроме того, что она предлагает отменить полностью механизм квотирования, с чем я, в частности, совершенно не согласна, революционного там ничего нет. Главное же – не сама концепция, а как она будет реализовываться, механизм ее реализации. Часть механизма реализации этой концепции там как раз очень плохо прописана. Поэтому пока там особо революционного ничего нет, это моя личная точка зрения.

Реплика 2. Отмена квотирования, в общем-то, дело очень серьезное и я думаю, оно будет позитивно воспринято нашими партнерами. Другая вещь, что они сами, действительно, они выступают за организованный набор рабочей силы. Они выступают, не мы. Насколько нам это надо, это еще надо взвесить. Хотя мне кажется с точки зрения неквалифицированной рабочей силы... и в Киргизии, и в Таджикистане, где у них сохранилась сеть достаточно неплохая ПТУ, и они говорят: «вы нам дайте соцзаказ и гарантируйте, что ребята здесь поучатся два года и потом поедут к вам в Сибирь и на Урал», это нам интересно. Я считаю, что здесь действительно должен быть организованный элемент, это нельзя как бы... изначально должна быть выстроена цепочка,

что мы гарантируем, что ребята с этим образованием, если они пройдут такие-то экзамены, им будет гарантировано место на заводе, естественно, не в Москве, а там, где нам надо, - в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале. Мне кажется, это очень важный элемент, но нужно ли это делать в многостороннем формате или, допустим, заключать двусторонние унифицированные соглашения с заинтересованными странами, это тоже можно пообсуждать, потому что результаты могут быть в принципе одинаковые. Или набор одинаковых соглашений с рядом стран, или оно общее на всех. Просто я понимаю, почему нам сложно иногда со всеми, потому что когда мы начинаем вести переговоры в СНГ с 11-ю государствами, там в итоге получается вообще непонятно что и оно не работает. Поэтому проще и там конкретно с Киргизией или с Таджикистаном о чем-то договариваться. Но, мне кажется, нам надо посмотреть на эти элементы, как это скажется, с одной стороны, на СНГ-шном контуре, и очень интересно, что нам предложить по единой миграционной политике.

Реплика. Коллеги, у меня просьба представляться. Хорошо? И вот сейчас мы по миграционной политике говорим, да? Насколько я понимаю

И.Н.Морозов: Морозов Игорь Николаевич, Россотрудничество. Мне очень понравился ваш доклад, и те материалы, которые вы отработали, независимо от того, насколько корректны или нет те или иные формулировки, это вопрос определений. Но на сегодняшний день продлевается очень большая работа по подготовке к организованному набору трудовых мигрантов на российский рынок по специальностям, востребованным на рынке труда. Для этого создана межведомственная рабочая группа во главе с ФМС, туда входит Россотрудничество, Минздравсоцразвития, Минэкономразвития, и на сегодняшний день мы уже достаточно сильно продвинулись. Чтоб вы уже были в курсе. Потому что я просто вижу, что некоторые детали, уже ушли назад. Нужно нам смотреть вперед, как мы будем подбирать для себя трудовые ресурсы. Мы договорились о том, что в Киргизии и Таджикистане мы создаем центры переподготовки трудовых ресурсов на базе, как Татьяна Дмитриевна сказала, ПТУ, которые они, к счастью сохранили, как в Таджикистане, и в Киргизии. Заниматься переподготовкой будет РФ, потому что мы для себя готовим трудовые ресурсы. И вот то, что вы пишете «повысить роль посылающих стран», то это неправильно, это просто будет лозунгом. Это мы должны повысить качество подготовки тех трудовых ресурсов, которых мы хотим. И у нас сегодня есть квоты на самые востребованные специальности. Мы взяли 10 первых, и на сегодняшний день РФ нужно 200 тысяч электрогазосварщиков. Представляете себе количество трудовых мигрантов, которые нам необходимы для такой работы.

Поэтому в этой связи, кроме подготовки в профессионально-технических училищах, где будут преподавать в том числе наши преподаватели, из наших ПТУ, мы еще смотрим на механизм перетоков рабочей силы. Например РАО «РЖД», у них есть Южнороссийская железная дорога. Это Армения. Там сегодня необходимо сократить 2 тысячи рабочих железнодорожников. 2 тысячи. Огромное количество для Армении.

Но в то же время РАО «РЖД» требуется 6 000 железнодорожников среднего уровня. И вот представьте, это же наши трудовые ресурсы. Это значит, мы должны из одной компании их вывести и за счет госпрограммы перевести их в Сибирь, в Алтайский край и... То есть разбросать по всей стране. И нам еще не будет хватать 4 тысячи. Поэтому мы здесь учитываем и эти трудовые ресурсы, на сегодняшний день подготовленные, но которым необходима небольшая, скажем так, переподготовка в центре РАО «РЖД». И мы его тоже нашли. Поэтому напрасно вас охватывает уныние, когда документы приходят к нам в межведомственную рабочую группу. Вот то, что вы здесь дали, я эти документы уже видел, я теперь понял, что они у нас, в межведомственной рабочей группе. Огромное вам спасибо! Готовы вас принять в качестве эксперта туда. Те документы, которые вам

сказали разработать, – их надо разрабатывать, потому что все равно мы привлекаем экспертов. Таких профессиональных, мы только очень будем рады. Кроме этого – финансирование. Татьяна Дмитриевна, мы говорили уже о содействии международному развитию. В рамках «Цели развития тысячелетия ООН», которое Россия заключила в 2000 году, мы являемся одним из крупнейших доноров. Мировых доноров. За прошлый год Российская Федерация, не считая выданных кредитов на условиях СМР, а также списанных кредитов...не считаем. Это 3,4 млрд долларов. Мы только на программу содействия международному развитию потратили более 800 млн долларов. Причем минимальную сумму из этого на страны СНГ. Вот что мы хотим в этом году – уже изменить этот тренд. И в большей степени заниматься СНГ. В том числе трудовыми ресурсами. И вот смотрите, у нас есть деньги на содействие международному развитию, потому что нам их все равно отдавать, это наше международное обязательство. Одно дело если они пойдут в Африку или в Южную Азию, да? Это один выход для нас. Но если они пойдут на подготовку трудовых ресурсов, а это тоже одно из направлений содействия международному развитию, так в этом Россия заинтересована. То есть мы будем вкладывать в себя. Готовя для себя вот такие трудовые кадры. Поэтому такая программа разрабатывается в нашей ведомственной группе, мы готовы принять все идеи, все предложения, все наработки для того, чтобы их уже реализовать в конкретный документ и перечень тех подзаконных актов, которые мы должны принять в ближайшее время. Поэтому такая работа идет, Татьяна Дмитриевна. Вот что я хотел сказать.

Т.Д.Валовая: Мне кажется это очень интересная тема и в дальнейшем мы могли бы действительно перенести и на площадку уже единой иммиграционной политики все наши наработки. То есть нам, конечно, выгодно сейчас это отработать у себя, пока у нас нет никаких там наднациональных обязательств, сделать такую программу, а потом уже и предложить партнерам. При этом у меня еще один элемент по поводу стратегии развития. Это не совсем наша тема, но мое личное мнение, что, конечно, когда мы оказываем содействие нашим партнерам обезличенно, через стратегию международного развития, через различные ооновские структуры, мы не решаем наши важные геополитические задачи. Нам, конечно, надо еще тоже думать о том, когда мы отдаем те деньги, которые мы должны отдать – отдать все-таки непосредственно получателю, чтобы получатель знал, что мы давали эти деньги. Потому что, когда они у нас уходят куда-то там... к примеру, продовольственная помощь Африки. К сожалению, африканские получатели не знают, что это Россия заплатила за их помощь. Они видят, допустим, европейские солдаты выгружают гуманитарную миссию, и они думают, что это они все это привезли. А то, что это наши деньги, – они не знают. В ходе нашей первой встречи, я говорила по поводу цены интеграции, вот нам эту тему тоже как бы не потерять. Вот сколько нам надо платить за интеграцию? Надо ли платить и в какой форме? Мне кажется, по всем нашим группам, в том числе по миграциям, можно было бы очень хорошо показать, что вложение денег Российской Федерацией в подготовку ресурсов в этих странах – это очень хороший элемент, с одной стороны, вот как бы, решения наших экономических задач, но в то же время и политических.

И.Н.Морозов Татьяна Дмитриевна, и я заканчиваю. Я хочу сказать, что цена у интеграции есть, и мы должны это понимать, потому что это не дешевое для нас удовольствие или мероприятие. Но мы должны понимать, что сегодня, вложив в самих себя, в эти интеграционные процессы, в которых в большей степени заинтересованы мы, Россия выиграет в будущем. Нам нужно прийти к пониманию, что мигранты, сегодняшние мигранты – рабочие – это будущие граждане России. Поэтому мы их должны кормить, лечить, образовывать. Потому что они уже сегодня живут с нами. И, только, наверное, Росстат или демографы-экономисты знают, сколько их будет к 20-му, к 30-му, к 50-му

году. Но сегодня мы должны в эти процессы вкладывать средства, и вот в этом тоже будет цена интеграции.

О.Н.Дунаев: Не для нас...

Наталья Ивановна. И вот еще пару слов, Татьяна Дмитриевна.

О.Н.Дунаев: Да, да. И потом вот коллега рядом. Передайте ему слово.

Наталья Ивановна. Спасибо, Игорь Николаевич, за интересную информацию, но я хочу сказать, что, несмотря на то, что вы реализуете такие программы и создана межведомственная рабочая группа, это не умаляет значимость проекта того соглашения по профессиональной подготовке кадров, который мы подготовили. Потому что вы работаете отдельно с Киргизией, с Таджикистаном и так далее. Если мы говорим об интеграции на пространстве СНГ в сфере миграции, тут должны быть единые подходы и единые стандарты. Пока это не прослеживается. Нужно России 200 тысяч газоэлектросварщиков... Кстати, эта проблема стоит с 90-х годов, когда я только начинала работать в Федеральной службе занятости России. Самой остродефицитной профессией, которой не хватало во всех субъектах, были газоэлектросварщики. Прошло 20 лет, и эта проблема так и остается, т.е. никаких мер у нас не принимается. Ну, слава богу, может быть сейчас за счет иностранных мигрантов, за счет трудовых мигрантов из государств СНГ мы сможем в какой-то мере решить эти проблемы. Но я не уверена, что 200 тысяч газоэлектросварщиков, вы сумеете подготовить. У меня еще к вам такой вопрос. Вот вы говорите – из Армении переселять в Россию. Где они будут жить? Проблемы с жильем. Что, РЖД их обеспечивает жильем? Как они – поедут семьями, или они будут вахтовым методом работать? Или как здесь будет эта проблема решаться? В принципе звучит красиво. Высвобождаются в Армении – берем в Россию. А что за этим стоит? Механизм этой реализации, каков он будет?

И.Н.Морозов: Я могу ответить. Как мигранты приезжают к нам? Неорганизованно. Где они живут? Точно так же. А мы стремимся к тому, чтобы создать механизмы совершенно четкого понимания того, что мигранты там у себя уже будут знать, что они едут в Тамбовскую, Липецкую область и так далее. Здесь они едут в РЖД. На те железные дороги, где есть рабочие места. Значит, мы их должны там обеспечивать... РЖД их должно обеспечить медицинской страховкой, медицинской помощью и разместить там, где они размещали бы свои трудовые ресурсы, которые бы они привлекли из России. Или они должны столько платить, чтобы те могли снимать жилье, как, кстати, это делает Южная железная дорога. Они им платят столько, что те имеют возможность взять ипотеку в наших банках.

Реплика. ... мы потом с вами поговорим, а то уже просто неудобно время отнимать у других участников.

О.Н.Дунаев: Дунаев Олег Николаевич. Профессор Финансового университета. Я эксперт 19-й группы. Я хотел на трех моментах остановиться. Первый – миграция. Об этом очень много говорили, потому что основная проблема – демографическая. Основная проблема, конечно, рабочая сила, но хотелось бы обратить внимание уважаемой Наталии Ивановны, на следующее... когда к нам приезжает профессура и проводит занятия (по крайней мере, мы видим даже по московским вузам, не говоря уже о региональных вузах, когда западный профессор не может приехать, есть большие проблемы, как приехать и проводить лекции или семинары. Есть проблема, связанная с вузом, на нее тоже нужно обратить внимание... Мы видим сегодня большую помощь Европейского союза Украине,

Киргизии, Таджикистану в области вузовской подготовки и подготовки Пи-Эйч-Ди высших специалистов. Наши докторские дипломы, недостаточно котируются. Группе образования... очевидно, нужно вплотную поработать с этим вопросом. Я думаю, на эти моменты нужно обратить внимание. Второе. Мы говорим о миграционной политике, но не рассматриваем вопрос о мобильности людей и товаров. Будет ли этот вопрос вообще стоять? И он, как, что говорила Татьяна Дмитриевна, он очень сильно поднимает проблему. Если мы делаем евроазиатский экономический союз, то где, какие будут приоритетные вопросы перехода границы и будет ли рассматриваться мобильность людей и товаров? Потому что сегодня транспортные потоки, которые идут... мы видим они идут уже на Европу. И центры делаются... далеко не на Россию. Причем в 19-й группе сегодня поставлен вопрос: Россия или транзитная чисто страна, или мы цель ставим главную о мобильности людей и товаров внутри страны? Это очень важный вопрос, я бы хотел его заострить и будет ли группа этим вопросом заниматься? И третий момент. Вот здесь выступали эксперты от государства, от Минэкономразвития. Конечно, те вопросы, которые они ставят, – очень актуальные, но хотелось бы знать, будет на комиссии рассматриваться вопрос транспортных коридоров или экономическое пространство – рынок свободный? Потому что сегодня мы в Министерстве транспорта видим, что данные программы, ФЦП хотя и провозглашены, но транспортные коридоры не стоят в приоритетах или транспортные коридоры становится очень много. Вот как экономическое пространство в этом плане будет связано? Где будут опять же стоять таможни? Как это будет связано с агломерациями, которые формируют, допустим, Минрегиона? Или эти развилки мы обходим и оставляем на будущее. Спасибо!

Т.Д.Валовая: Значит, очень интересные вопросы, но боюсь, что большинство из них относится все-таки не к нашей группе, поскольку они действительно важные, они содержательные – и в принципе мы могли бы ими заниматься, – но носят общий характер. Так мобильность населения, это вопрос к другой группе, а не к той, которая занимается интеграцией. Вопросы транспортных коридоров – это проблемы инфраструктуры России. Что касается нас. По итогам Вашего выступления хочу отметить. Будет ли Таможенный союз, единое экономическое пространство – заниматься транспортными коридорами? Конечно будет и оно занимается, но здесь наша сейчас задача, на этом этапе – снять все административные барьеры, и после мы уже увидим как выстраиваются торговые потоки. То, что они выстроятся несколько по-иному, это уже ясно. Мы тогда уже можем говорить о сопровождении вот этого выявившегося нового тренда бизнеса реальной физической инфраструктурой. Потому что нам уже сейчас понятно, что вот этот Таможенный союз приведет к тому, что в основном растамаживаться грузы будут на границах в Казахстане и в Белоруссии. И мы это приветствуем. Именно для этого мы договорились о том, что мы пошлинные делим в той пропорции, которая меняться не будет. Потому что нам уже будет без разницы, где этот груз растаможен. Поэтому это важный момент. Как это скажется на размещении наших внутренних таможен – это понятно. Это – тема, которую тоже мы сможем посмотреть, имея уже определенную статистику по году, по двум. А вот в том, что касается свободы передвижения рабочей силы внутри – это, прежде всего, относится в общем к мобильности населения и тема другой группы, которая занимается рынком труда, миграцией. Конечно, ее надо повышать, об этом говорим уже на протяжении многих десятилетий, но не очень получается. А что касается того, где будут жить приезжающие мигранты – я думаю, что это действительно надо решать рынку. То есть нам это надо понимать и у нас, по-моему, в головах революция сейчас произошла применительно к миграции. Еще 5 лет назад мы относились к ней как к злу. То есть на государственном уровне, поскольку это было ощущение общества, что мигрант – это зло. Мигрант отнимает твое рабочее место. Не будет мигранта ты будешь жить лучше. То есть и как бы с мигрантами...терпели...ну как бы сосуществовали. Сейчас, мне кажется, понимание уже

пришло, во всяком случае, на государственном уровне, и во многих, как говорится, политических элитах. Что без мигрантов Россия не выдержит. Соответственно, нам надо понимать, что наши граждане через 20 лет вряд ли пойдут работать электрогазосварщиками. Да и неквалифицированными слесарями тоже не пойдут. Пойдут высококвалифицированными рабочими. Соответственно, нам надо находить трудовые ресурсы и то, что у нас есть рядом, то, что мы называем ближнее зарубежье, – это наше большое спасение. Потому что через 10-15 лет, скорее всего, за этот мигрантный потенциал развернется большая схватка. Огромная схватка. В том числе и за украинских мигрантов. Скорее всего. Поэтому то, что мы сейчас сделаем вот это пространство... это и для того, чтобы решить проблему миграции. Нам надо действительно создать такие условия, которые будут комфортны и для граждан России и для граждан других стран, для того, чтобы принимать и абсорбировать этот миграционный поток. Это очень важная тема. И вот именно через эту призму у меня просьба к Наталье Ивановне посмотреть на работу вот этой группы. Вы действительно делаете очень правильное дело, и мы не хотим вас сбивать, как говорится, с правильного пути, и как раз исходя из того, что это мигранты – это действительно очень, очень важное направление нашей политики. Спасибо.

Олег Николаевич. Татьяна Дмитриевна, у нас еще два слова. Вы понимаете, ведь может возникнуть такая проблема, я просто как проблему хочу заострить. Когда, например, транспортная составляющая...переезд из Киева в Москву – не развивается. Точно так же, как, возможно, в другие страны. Кто этими вопросами будет заниматься? Где они будут сосредоточены, в какой группе?

Т.Д.Валовая: Отвечаю легко. Транспортная составляющая из Москвы в Киев, из Киева в Москву – мне будет понятно, как она будет развиваться, когда у меня будет ответ на главный вопрос: Украина – в составе Таможенного союза-ЕЭП или Украина в зоне свободной торговли с Европой? Вот после этого и только после этого мы сможем ответить на этот вопрос. Поэтому я и говорю в самом начале, что у нас, к сожалению, сейчас очень...дейтнот. Мы буквально в течение этого года должны ответить на кучу вопросов. Очень сложных вопросов. И мы вынуждены заставлять наших партнеров быстро на них отвечать. Они иногда даже это рассматривают, как такой шантаж, ультиматум, хотя это неправда. Мы говорим: «Ребята, извините, нам надо понять, где у нас проходит государственная граница». После этого все это выстраивается. И если между Москвой и Киевом нет государственной границы, и там не стоят ни таможенники, ни пограничники – все. Этот транспортный коридор открывается. Свободно. Если нет, и там стоят пограничники и таможенники, то тогда будет развиваться Москва-Минск. Вот и все.

Реплика 1. Вы знаете, я просто хочу добавить два слова. Но в контуре СНГ, то, что можно, насколько я понимаю, пусть и медленно делается...

Т.Д.Валовая: Это делается.

Реплика 1. Делается, да. Ведь фактически создан координационный комитет транспортных коридоров. Утверждена концепция и к ней соответствующие документы – развитие железнодорожного транспорта в СНГ. В этом контуре, который пока еще только может стать в какой-то перспективе интеграционным со всеми вытекающими из этого свободами на том уровне, на котором можно это делать, работа ведется. А что будет после этого? После того, как окончательно выстроится интеграционная конфигурация нашего пространства, об этом сказала Татьяна Дмитриевна. И давайте еще сейчас совсем коротко по иммиграции, чтобы нам все успеть. Я хочу дать слово Александру Владимировичу Сидоровичу, проректору МГУ, директору казахстанского филиала МГУ.

А.В. Сидорович: Уважаемые коллеги, так получилось, что последние 10 лет я нахожусь и здесь, и в Казахстане, и в других странах СНГ и участвовал практически во всех заседаниях, начиная с 90-х годов, по проблемам СНГ. Я хочу сказать, что общее впечатление, – это большие разговоры и большое количество бумаг. Однако это имеет смысл. Почему? Потому что мы все знаем, что в межгосударственных делах вопрос не решается приказом. Вопросы решаются по согласованию и путем переговоров. Так с этой точки зрения, если посмотреть на наше двадцатилетие, у нас произошло историческое событие – создан Таможенный союз. Почему? Потому что впервые создан... и создается наднациональный орган. Реально уставной организацией, при всем уважении к ним, они работают по своим правилам, режимам, но мы... в области экономики и в области отношений переходим на новый уровень. И тот, кто знает хорошо ситуацию в странах, – тот знает, что есть серьезная внутренняя оппозиция, и есть серьезная внешняя оппозиция Таможенному союзу. Интересы у этой оппозиции – различные. Есть и криминальные структуры, есть и структуры, заинтересованные в националистических устремлениях стран и так далее. А есть еще внешняя оппозиция, потому что формируется новая геополитическая реальность. И в данной ситуации для нас принципиальный вопрос — отношение к нашему документу, а также к другому документу, который готовит параллельная группа (который тоже опубликован на сайте). Это группа номер 20. Мы точно формулируем наши позиции и, на мой взгляд, когда мы рассматриваем документ под этим углом зрения, то самое страшное – это большое количество вариантов и предложений и направлений, которые будут затягивать решение этой проблемы. Мы можем обсуждать, мигранты будут жить в шалаше или на крыше двадцатиэтажного дома, или дадим каждому отдельный коттедж, но от этого общая проблема не решится. Поэтому мне кажется, что, учитывая, что ТС и ЕЭП стал не просто вопросом, решенным формально, но по существу руководители наших стран для себя приняли решение и мы знаем, как руководители реагируют на эти проблемы, что они на этом вопросе не просто делают политику. Объединились те руководители, которые понимают, что без этого дальнейшее движение невозможно. Поэтому, мне кажется, в нашем документе должно быть ясно заявлено, что эта задача приоритетна.

Я с вами согласен, что если мы потеряем скорость решения вопросов, то это мобилизует оппозицию. И это мобилизует массу новых предложений, которые мы получим со всего мира. Мы, все страны СНГ, войдем в Совет безопасности, мы все страны СНГ, сейчас займем позицию решать судьбы мира, а бомбить будут другие. Вы понимаете, мне кажется, что позиция четкая, однозначная о приоритетности задач создания ТС и ЕЭП, которые будут тогда на нашем постсоветском пространстве определять условия сотрудничества для других, а не наоборот, потому что взаимовыгодных проектов может быть тысячи, а это проект, который имеет определенную структуру. Это, на мой взгляд, первое принципиальное положение. Второе. Я даже написал по этому поводу, что нельзя стоять на позиции, (я с вами согласен), что интеграция – проблема затратная. Действительно, Россия должна делать вложения. Но вложения не в Россию, – а в интеграционный процесс, который будет служить и России, и этим государствам. Потому что это взаимовыгодный процесс. Мы прекрасно с вами понимаем, что нельзя вставать на позицию защиты интересов только России. Я категорически против любых попыток, показать что мы большие, мы зададим своей мощью. Мы не говорим прямо так, но мы иногда внутренне формулируем политику своего рода: «мы большие, никуда не денутся», (это раньше говорили так, сейчас не говорим). Но, тем не менее, позиция должна быть предельно ясна и понятна, что выигрывают от этого все, и проигрывают те, кто к нам не идет. Поэтому, все проблемы вопроса наркотрафика будут решаться. И гидроэнергетики, а потом окажется, что мы снова останемся без ТС, без ЕЭП. По моим ощущениям (я могу прямо сказать, я действительно 10 лет нахожусь и в России, и за рубежом одновременно) силы, которые выступают против ТС, против интеграционного процесса в целом,

мобилизуются. И они будут находить способы здесь на президента, механизм известный, по каждой стороне. Поэтому здесь, мне кажется, принципиальный водораздел. Второе. По поводу некоторых других вопросов я не хотел бы кратко высказываться, но по вопросу образования я бы хотел сказать. Уважаемые коллеги, в этой сфере столько наломали дров, что вот такими частностями эту проблему не решить. И наломали дров, конечно, мы сообщаем. Мы отстаем на шаг от того, что делают наши партнеры на постсоветском пространстве. И говорим, что надо догонять. Так происходит в отношении позиции национальных систем образования, евразийского образования и Болонского процесса, так происходит в отношении нострификации. Что такое нострификация? Это обложение данью тех, кто приходит к нам учиться. Более 4 тысячи рублей. Процедура – два месяца. И еще межвузовское сотрудничество. Я прошу прощения, вы имеете право направить студентов из стран СНГ и принять и самих отправить в любую страну. Я с вами полностью согласен, что когда мы решаем такие вопросы, пусть дают нам право использовать деньги на этом постсоветском пространстве. А не отправлять неизвестно куда. Пусть дают нам право в рамках нашей программы. Но, тем не менее, Россия вот здесь ведет себя пассивно. Я написал 4 записки министру иностранных дел, как нужно реализовать программы в отношении стран СНГ. Дело все в том, что мне пришлось в течение 6 лет вести программы переподготовки Всемирного Банка в России. По рыночной экономике. Я знаю, как это делается. И это малозатратная программа.

Реплика. ...два конкретных предложения, вернее просьбы. Значит, я также как и вы, не сомневаюсь в том, что нам надо делать ТС и ЕЭП, и мои коллеги знают, что я активно стараюсь это делать. Но нам очень часто нужны аргументы. И когда мы можем представить в качестве аргумента позицию уважаемого университета, это было бы очень хорошо. Я вас очень хотела попросить дать как бы аргументированную, в том числе статистические, аналитические данные о преимуществах интеграции во всех сферах: экономической, социальной, образовательной, для РФ. Это, поверьте, моим коллегам очень и очень пригодится, если этот вывод будет экспертной группы. Нас всегда спрашивают, ну вы – известные интеграционисты, а что говорит по этому поводу голая цифра? Если эту "голую цифру" дадите вы и ваши коллеги, которые здесь присутствуют, то это был бы большой плюс. Поэтому я бы очень вас попросила на этом сосредоточиться. Второе. Когда вы стали говорить об образовании, у меня сразу в голове возникла одна мысль: может быть, нам тоже это где-то как-то заложить. Вот в ЕС есть программа известная «Эразмус», которая очень здорово помогает, и обменов, и знакомствам, и так далее. Давайте мы вас попросим сделать хотя бы какие-то базовые предложения по созданию аналога такой программы, не очень бюджетной. Посмотрите, чего не хватает, потому что, нам кажется, что у нас в СНГ большая нормативная база, которая позволяет и университетским обменов, и студенческим, и так далее... Давайте предложим такую программу, причем именно на СНГ (не на тройку), для заинтересованных государств. Вот два конкретных предложения. Первое – статистика, аналитика, данные почему нам нужна интеграция. Второе – аналог программы «Эразмус» или «Темпус», посмотреть, что лучше. Спасибо.

Реплика предыдущего оратора. Постараюсь сделать, спасибо.

Реплика ведущего. Если можно коротко, спасибо.

Реплика. Бедняков, Федеральная служба по тарифам. Во-первых, я хотел бы предложить по поводу презентации в первом же тезисе в глубине интеграционного процесса указать на необходимость гармонизации макроэкономической и налоговой политики, дополнить еще и тарифной политикой. Мы провели такое картографирование регуляторных полномочий в трех странах, которые являются участниками ТС, и выявились достаточно

большие различия в законодательном регулировании, тарифном и ценовом регулировании. И речь идет не только о регулировании естественных монополий, но и о том, что в наших странах есть и другие виды деятельности, которые тоже регулируются. Когда речь пойдет о гармонизации законодательства, безусловно нужно учитывать, что у нас существенные различия не только в таможенном (которые, можно сказать, успешно преодолены сегодня) но и в тарифном, и в ценовом регулировании. Это первое. И второе. Я являюсь еще членом группы Вьюгина, и мы на нескольких заседаниях обсуждали принципиальный вопрос о том, что важнее - устойчивость банковского сектора, конкурентоспособность или его эффективность применительно к последующей интеграции нашей банковской системы в международную банковскую систему. И в результате этого обсуждения появилась некая стратегия такого развития, связанная с этапами этого развития. Мне кажется, что нам очень сильно не хватает понимания того, какая должна быть программа интеграции. И в рамках таможенного союза, и в рамках ЕВРАЗЭС, и в рамках СНГ. Потому что мы сейчас употребляем всякого рода слова, например ЕЭП, я, как юрист, понимаю, что это либо предоставление национального режима всем участникам на своей территории, либо единое законодательство. Если речь идет сегодня о каких-то общих правилах, о каких-то принципах, то, по-видимому, это нечто похожее на общий рынок. Если речь идет о том, что создавать таможенное пространство единое, то, по-видимому, это зона свободной торговли. И, мне кажется, что надо точно обозначить, что мы создали сегодня, к чему мы стремимся в ближайшей перспективе и что будет, может быть, в далеком будущем, а что, вообще, может быть не будет, потому что единого регулирования, очевидно, не будет в рамках трех стран, потому что это очень серьезные политические решения. Регулирование естественных монополий в Белоруссии, Казахстане и России очень разное. Причем казахи говорят, что казахстанское регулирование тарифов более либеральное, чем российское, а в Белоруссии, вы знаете, большинство тарифных и ценовых решений принимаются непосредственно президентом и он управляет этим процессом большей степени. Поэтому мне кажется, что такая "карта" (как принято сейчас говорить о возможной будущей перспективе интеграции), конечно, покажет, какие политические решения в перспективе нужно будет принимать, какие политические решения принимать придется, если мы будем двигаться действительно к ЕЭП. И мне казалось, что задача нашей группы – постараться найти, выработать эту программу интеграции, в том числе с указанием того, без чего какая стадия, какой этап вообще невозможен. И мне думается, что то, что здесь представлено в качестве презентации, должно быть обязательно дополнено предложениями об этапах такой интеграции, об этапах этого интеграционного процесса. Спасибо.

Реплика. Прокомментирую, чтобы у нас было четкое понимание наших вводных. Что касается этапов интеграции, общее, единое пространство, то мы это уже прошли. У нас были достаточно познавательные дискуссии в период с 2003-2004 годов, когда мы начали строить ЕЭП, и тогда, как говорится, прочитав друг другу массу лекций, все полностью поняли разницу между Общим экономическим пространством и Единым экономическим пространством, между Общим рынком и Единым рынком. Я сама читала лекции нашим украинским коллегам в 2003 году для их понимания. После этого мы сделали концепцию ТС и ЕЭП, которая была подписана на четверых, кто ее не читал, очень советую почитать этот документ, это приложение к соглашению от 19 сентября 2003 года, оно не утратило своей актуальности, поскольку это та концепция, на базе которой мы сейчас по сути дела работаем. Да, есть классика интеграции. Мы уже с вами прошли по сути дела два этапа, подходим к третьему. Зону свободной торговли на троих мы миновали, ТС мы создали, даже создали нормативно-правовую базу ЕЭП. О том, что все это надо и нам делать надо наднационально нет никаких дискуссий. Дискуссии по этому поводу закрыты, политические решения приняты. Зачем нас с вами собрали, - можете сказать вы. Во-первых, для того чтобы мы экспертно сказали, все-таки может быть, в принятых решениях

и по ТС, и по ЕЭПу надо что-то еще доделать? И усовершенствовать? Поскольку все это делалось быстро, на живую нитку, и, возможно, нам надо кое-что с учетом выявившихся проблем улучшить. И самое главное, - идти ли нам дальше. И если идти дальше, то как быстро. Потому что куда идти дальше, это я все призываю Андрея Николаевича перейти к следующей теме, - опыт европейский, он однозначен. После единого экономического пространства, которое в Европе именуют Единый внутренний рынок, Single Market, они пошли к экономическому и валютному союзу, а потом к политическому союзу. И вот они уже находятся на этой стадии. Поэтому к нам вопрос как экспертам, - нужно ли нам это? В чем преимущество и если к этому идти, то как. Вот я думаю, что вот эту карту от нас вот как раз и ждут. Не обсуждение по зоне свободной торговли, ТС, -все, эту тему закрыли, там мы только должны дать советы, что можно улучшить, где подкрутить гайки. А вот куда нам идти дальше? Раз. Как все это будет действовать с внешним контуром и как нам выстраивать уже в новых реалиях этот внешний контур. Третий вопрос, о котором я все время говорю, как за это платить и сколько. Почему я прошу, чтобы независимые были как бы оценки преимуществ этого интеграционного процесса, потому что когда мы видим на статистике преимущества этого процесса, нам легче пояснить в том числе нашим финансовым органам, почему за этот процесс надо платить отменой экспортных пошлин и так далее. Поэтому вы абсолютно правы, нам нужна карта, но она должна уже идти дальше, чем есть сейчас. Мы не собираемся реализовать того, что уже сделано.

Реплика ведущего. Я хочу пояснить, что Николай Сергеевич несколько слов скажет, а потом мы все-таки перейдем к валютному союзу. Пожалуйста, Николай Сергеевич.

Реплика. Николай Сергеевич ... Уважаемый Андрей Николаевич, Татьяна Дмитриевна, уважаемые коллеги, я действительно хочу сказать несколько слов и, думаю, выражу при этом общую мысль. И я и все мы сегодня услышали очень много интересного по обсуждаемой теме. И проблемы, которые обсуждались, вполне могут быть расширены, стать темой отдельного семинара-совещания и так далее. Я, человек военный, восемь лет был членом парламентского собрания Союза России и Белоруссии, вспоминаю ту эйфорию, надежду на союз и нынешнее состояние Союза России и Белоруссии, думаю вот о чем. Нам нужен конечный результат. Мы должны думать о конечном результате. Что такое стратегия? В переводе на русский язык это искусство военачальника на поле боя. Старшего военачальника. Вот этому старшему военачальнику, нашему высшему руководству, мне кажется, мы должны четко предложить проект: цели и пути, ведущие к их достижению. У нас есть документ, замечательный документ, интересный, здесь и краткая история вопроса, и многовариантность развития путей интеграции, плюсы, минусы, - замечательный труд. Но хотелось бы увидеть квинтэссенцию всего того, что мы говорим, ведь стратегия не может быть многомерной, многообъемной. И мы должны сформулировать свои мысли таким образом, чтобы были понятны, и цена вопроса, и пути, ведущие к достижению объявленной цели. Давайте во время последующих наших мероприятий сосредоточим именно на этом. Хотелось бы от организаторов работы нашей рабочей группы получить некий искомый вариант проекта стратегии, по крайней мере по нашей части, и наши предложения, Я не знаю, как поступили другие коллеги, но мы, представители Счетной палаты, отправили вам на двух страничках 3 предложения по этому документу. Много или мало, трудно судить, но, по крайней мере, они совершенно конкретные. Я хочу, чтобы эта максимальная конкретность и результативность присутствовала на наших последующих мероприятиях. Тогда, возможно, мы уложимся в срок, и тогда наша стратегия, по крайней мере, наш раздел будет лучше, чем в других 20 группах. Спасибо.

В.И.Тарасов: Андрей Николаевич, можно еще по этой миграционной тематике. Аграрный центр ЕврАзЭС, Тарасов. Мы вместе были только что на 20-летию СНГ и на круглом столе

слушали талантливое выступление молдаван, которые сказали, что миграция у них уже на 40% вектор в ЕС, и на 40% вектор – в Россию. Поэтому они не могут определиться по поводу ТС, и вряд ли они будут вступать в ТС, они хотят сохранять этот дуализм. Все комплементы, которые мы сделали, и доклад, который был сделан по миграции, это все прекрасно. Но я хотел бы зафиксировать вопрос на одном – на приоритетах. У нас должны быть приоритеты государств ТС. Это наша внутренняя миграция, она должна быть, может быть, потому что лучшие газозлектросварщики – это белорусы, конечно. Они и газопровод «Мир» варили, и у нас все высотные здания для Средьмаша. Минмонтажспецстрой привлекает только белорусских специалистов.

Я хотел подчеркнуть, что сейчас многое говорится о подготовке и переподготовке в Таджикистане и Киргизии. Какой сейчас статус у Таджикистана и Киргизии по отношению к ТС? Никакого. Заявляют, что они – члены ЕврАзЭС. Давайте так: мне кажется, нужно системные вопросы решить, нужно определиться со статусом, аналогичным существующем в Европейском союзе, скажем, статус страны-кандидата. Заявление они подали? Подали. Рассмотрены заявления? Нет. Когда примем Таджикистан? Непонятно. А там ведь сейчас работают эксперты Европейского банка реконструкции и развития, готовят его к ВТО форсированно. И с какими таможенными границами он будет принят – неизвестно. Явно, что не ТС.

Мне кажется, вторая стадия – это государство-наблюдатель. Они сейчас считаются в ЕврАзЭС. Армения, Молдавия, Украина. Что в статусе? Если будет статус кандидата так же, как у Европейского союза... Турки, скажем, там будут 15 лет кандидатами. Но уже у турок есть определенные приоритеты по отношению к другим странам, которые не являются кандидатами. Так и здесь. Почему, когда мы устанавливали приоритеты, принимали закон о торговле, скажем, приоритеты у нас на наших рынках, равные права были только у российских и белорусских представителей – операторов на рынках.

В данном случае, конечно, подсоединятся казахи. Мы говорим о приоритетах. Есть прочие страны, которые относятся к дальнейшей интеграции инфантильно или отрицательно, но командуют в системе торговли. Возьмите представителей великих наций Азербайджана и Грузии. Они диктуют все. У них нет этой нестатусности. Если бы статусность была определена, то было бы понятно, что у нас должны были командовать те же самые таджики, киргизы. Мне кажется, здесь надо провести системную градацию. Почему? Потому что, вы знаете, нет ничего труднее миграционных вопросов. Вот мы направляли в адрес инициаторов документа приложение 2... Есть 27 соглашений о зонах свободной торговли между нашими государствами СНГ. Ни одно соглашение не регулирует вопросы перемещения рабочей силы. Они ограничиваются только торговлей и товарами. Ни услуг, ни того, ни третьего.

Поэтому сейчас говорить о каких-то многосторонних соглашениях по регулированию миграции очень, мне кажется, наивно. Потому что в самый тупик зашла блестящая зона торговли – североамериканская. Она зашла в стену, которая разделила трудовых мигрантов Мексики на территорию других государств "NAFTA" – Соединенных Штатов и Канады.

Мне кажется, что первое и главное – обязательно расставить системные приоритеты. Я согласен, что приоритетно ПТУ в Киргизии и Таджикистане, подготовить там избыточную рабочую силу для нас. Но все-таки не плодить большего количества конфликтов. Потому что возникает вопрос: а что с той же самой Молдавией, которая – наблюдатель ЕврАзЭС? Может быть, как кандидат? Мы были на секции «20 лет СНГ» с Андреем Николаевичем, они толковали, что ЕС продумал их вопрос и решил об асимметричной зоне свободной торговли с Молдавией. Вот такая уникальная асимметрия. Мне кажется, что это тоже надо в этих вопросах учесть. Благодарю за внимание.

Реплика: Можно, я это прокомментирую, чтобы было четкое понимание, как нам все-таки эту проблему надо решать. Когда мы говорим о миграции, нельзя забывать о двух уровнях взаимодействия, о которых мы говорим. Один уровень – это интеграция ТС-ЕЭП, и здесь в рамках этой тройки вряд ли у нас будет внутренняя миграция. И давать какие-то статусы, наверное, не стоит. Мне нравится фраза, которую один мой казахский коллега любит повторять. Ему задают вопрос: «Слушайте, а почему в России не работают мигранты из Казахстана? Узбеки работают, молдаване работают, киргизы работают, а казахи не работают». «Да казахи и в Казахстане не работают».

Поэтому нам надо решать другую задачу. Это действительно единое миграционное пространство, это единые требования, единая политика. То, о чем мы говорим в плане миграционной политики, – это на все СНГ. Нам не надо здесь давать никаких статусов кандидатов и так далее. У нас уже есть организация. ЕС приходится придумывать эти статусы, кандидаты и т.д., потому что, кроме ЕС, у них нет более широкой организации. У нас есть такая организация – СНГ. И то, что мы с вами по миграционной линии нарабатываем, это должно быть применительно для всего СНГ. Кто этим воспользуется, это их право. Молдавия, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан. Но делать разницу в каких-то миграционных вещах вряд ли есть смысл, потому что граждане ТС должны иметь возможность на любой территории друг друга (мы это должны им обеспечить) работать без каких-либо особых разрешений. Вот что у нас должно быть внутри ТС. Мы к этому придем. А то, что мы должны обсуждать в миграционной группе в первую очередь, – это вот это.

Я предлагаю все-таки перейти к стратегии, потому что действительно от нас ждут, куда нам дальше идти.

А.Н.Спартак: Мы хорошо обсудили миграционную проблематику. Она этого заслуживает. Любовь Игоревна, вам слово. Представитель Межгосударственного банка СНГ. Очень важная тема – что у нас в плане валютной интеграции, что в будущем возможно и как это возможно.

Л.И.Хомякова: Благодарю вас. Хотелось бы после такой оживленной дискуссии перевести разговор в более теоретическую плоскость, потому что все, о чем сейчас говорилось, уже происходит. Интеграционные процессы я имею в виду. А вопрос введения единой валюты – следующий этап, как сказала Татьяна Дмитриевна – все-таки пока еще стоит на повестке дня.

Наш опыт работы Межгосбанка показывает, что этот вопрос является дискуссионным все 20 лет существования СНГ. И страны до сих пор не могут прийти к единому мнению. Фактически разделились поровну те, кто говорит: «Да, мы пойдем дальше, мы будем искать пути введения единой валюты», и те, кто говорит: «Ни в коем случае. Национальная валюта – это, в первую очередь, символ независимости страны». И страны СНГ именно так и воспринимают собственную валюту и не хотят отказываться даже в каком-то отдаленном будущем от своих национальных денежных единиц.

Поэтому этот вопрос, как правильно здесь указано в презентации, и политический, и экономический. Политический он с той точки зрения, что в любом случае введение единой валюты требует, как уже упоминалось, каких-то действий по созданию наднационального органа, который будет ответственен, в первую очередь, за эмиссию и, конечно, регулирование всех вопросов, связанных с единой валютой на пространстве СНГ. На текущем этапе вопрос создания наднационального органа по примеру Европейского центрального банка фактически отвергается даже в дискуссиях на текущем этапе.

Поэтому мы предлагаем пойти несколько другим путем. Мы предлагаем не стоять на развилке – единая валюта – рубль или какая-то новая валюта. Мы предлагаем сделать это

не развилкой, а этапами. То есть путь к введению единой валюты лежит через повышение роли национальных валют. С точки зрения России, с точки зрения российских геополитических интересов, это, конечно, рубль, в первую очередь. Это подтверждается статистикой.

Мы собираем статистику, публикуем ее по платежам, связанным с товарооборотом в рамках ЕврАзЭС. Из года в год сохраняется одна пропорция – 50% – это рубль в платежах, связанных со взаимным товарооборотом, примерно 40% – это доллар США, около 9% - евро, доля остальных национальных валют – менее 1%. Это из года в год.

Поэтому тут возникает два параллельных процесса. Во-первых, это снижение роли доллара США во взаимных платежах и, естественно, повышение роли национальных валют, связанное с этим.

Что можно сделать? Хорошая формулировка содержится в концепции валютного сотрудничества стран СНГ. К 2017 году предполагается, согласно этой концепции, введение так называемой валюты коллективного пользования на пространстве СНГ. Учитывая такую статистику, роль валюты коллективного пользования может исполнять российский рубль.

На текущем этапе и на ближайшую перспективу нам видится трехуровневая система, в странах СНГ действуют национальные валюты во внутреннем товарообороте и платежах. В платежах между странами СНГ – валюта коллективного пользования. Будет ли это рубль или что-то еще, посмотрим. И в платежах с третьими странами могут быть иностранные валюты – доллары США, евро и т.д.

Такая трехуровневая система на текущем этапе для стран СНГ не затратна, не требует поддержания больших резервов, во многом отвечает текущей политике, которую проводят центральные и национальные банки стран СНГ. Какая текущая ситуация, например, в Белоруссии? Во-первых, национальный банк не продает коммерческим банкам валюту, а, во-вторых, введены ограничения на покупку иностранной валюты суммой 50 тысяч евро, насколько я помню сейчас. И белорусские предприятия, которые связаны с внешнеэкономической деятельностью, оказались в довольно-таки критической ситуации. У многих из них перестали исполняться контракты. К нам в банк звонят предприятия, звонят банки и спрашивают, чем мы можем помочь в этой ситуации. И получается так, что если бы велась целенаправленная работа по использованию в платежах, связанных с товарооборотом, валюты коллективного пользования, то это было бы одним из вариантов решения проблемы на текущем этапе, например с Белоруссией.

По нашему мнению, вопрос заключается в том, что, когда мы дискутируем по поводу развития валютных отношений, мы говорим именно на верхнем уровне, на политическом, на управленческом. Идти нужно, в первую очередь, со стороны бизнеса. И мы замечаем, что сейчас существует определенный недостаток информации именно со стороны хозяйствующих субъектов. Они просто в принципе не знают, что можно в платежах, в контрактах использовать иную валюту, кроме свободно конвертируемой валюты. Вот одно из препятствий. Поэтому наше предложение состоит в том, чтобы проводить целенаправленную работу, начиная именно с хозяйствующих субъектов стран СНГ. Я говорю стран СНГ, подразумевая, что это может быть любое количество стран, которые примут такую позицию. И разъясняя, в первую очередь, и создавая механизмы, при которых сначала могла быть введена валюта коллективного пользования, а затем уже единая валюта. Благодарю.

Реплика: У меня есть один вопрос, который я всегда боюсь задавать. Мне хотелось бы этот вопрос задать профессиональной аудитории и попросить профессионально над ним подумать и, в общем, дать какую-то статистическую оценку... Наша устоявшаяся тенденция поощрения расширения использования рубля в международных расчетах. Мы все считаем, что это благо для нашей экономики, что это будет хорошо, и нам надо

расширять эту практику. И многие наши партнеры, в частности, Украина предлагает нам платить за энергоресурсы в рублях и т.д. Я вам честно скажу, меня это пугает. Я боюсь, как бы расширение использования рубля в международных расчетах, если оно произойдет обвально, не обвалило наш внешнеторговый баланс. Я просто вспоминаю еще годы СЭВа, когда существовал переводной рубль, на который можно было купить только что-то. Меня очень пугает ситуация. Украина нам говорит: «Давайте за газ мы будем вам платить рублями». Хорошо, будут платить рублями, они у нас даже кредит попросят в рублях, заплатят нам рублями. Но нам не на Украине надо покупать товары за рубли, нам надо покупать товары в Европе и Штатах за евро и доллары.

Какое-то время Центральный банк будет все это обменивать, а потом как только мы начинаем массово торговать нашими ликвидными товарами за рубли мы можем оказаться в сложной ситуации. Не случайно, что в советское время были определенные товары, которые можно было продать только за свободно конвертируемую валюту. И в некоторых странах СНГ, допустим, в Узбекистане, хлопок можно продать только за твердую валюту. Меня этот вопрос, очень пугает. Я согласна с тем, что рубль надо выводить в международный оборот, и это хорошая штука. Но как бы нам его не вывести так резко, чтобы не оказаться в сложной ситуации.

Если у кого-то есть еще такие опасения, просчитывали ли мы какие-то последствия и как нам сделать так, чтобы не оказаться в сложной ситуации? Это первый вопрос. Это не комментарий, а вопрос, который я осмеливаюсь задать в экспертной аудитории.

И второй вопрос, это уже просьба. Она, скорее, к вам, к Межгосударственному банку и кому-то еще из экспертов. Когда мы сейчас говорим о Валютном союзе, мы понимаем, что классическая схема – ТС-ЕЭП-Валютный союз. Но потребность в Валютном союзе должна расти из экономики. И в Европе она росла уже со стадии ТС, когда государства утратили элементы регулирования во внешнеторговой сфере, они стали заниматься другими элементами регулирования, в частности, валютным курсом, валютным демпингом. И это их подвело к необходимости, как мне кажется, первой стадии, которую мы должны обсуждать в Валютном союзе – это валютная координация, координация валютных курсов. Есть ли у вас какая-то статистика, которая показывает, что в рамках ТС мы начинаем уже нести эти издержки?

Сейчас, как мне кажется, хороший период для сбора этой статистики. В Белоруссии происходит девальвация валюты. Удастся ли им за счет этой девальвации больше продавать на рынок или нет? Если у нас есть объективная потребность делать Валютный союз, его первую стадию – валютную координацию, или пока мы до этого еще не дошли? Я этот вопрос постоянно последние несколько лет всем задаю. И мне тоже очень интересно получить на него ответ.

Л.И. Хомякова: Тут, конечно, вопрос очень дискуссионный: мы тоже прекрасно понимаем, что в любом случае - это отвечая на первый вопрос – есть и плюсы, и минусы по поводу увеличения доли рубля в расчетах. В любом случае, как мы видим сейчас, рубль действительно востребован у наших ближайших партнеров. Но при этом получается так, что если речь идет, например, о торговле технически сложными товарами – например, тракторы «Беларусь», - понятно, что производитель этих тракторов хочет по контракту за свою продукцию получить там евро, потому что он детали закупает в Европе, и возникает конверсия, которая им совершенно не нужна.

Что касается торговли менее сложными товарами – продукцией сельского хозяйства, например, - и во многом это связано еще с приграничной торговлей, то, скажем, по таким контрактам, по таким поставкам вполне охотно национальные валюты используются.

Т.Д. Валовая: Меня волнует только позиция РФ, только позиция российского ЦБ. Не приведет ли ситуация расширения использования рубля в торговом обороте к тому, что

ЦБ не сможет осуществлять конверсию. Просто нефть мы можем во всем мире продать за доллары. Мы ее так и продаем. На вырученные доллары мы покупаем станки в Европе, товары народного потребления в Китае и т.д. А если мы получим за нашу нефть – основной наш, как говорится, ресурс – рубли? Что мы с этими рублями будем делать? На что мы будем покупать в Европе и в Китае то, что нам надо?

Л.И. Хомякова: Я думаю, что это очень дискуссионный вопрос, конечно. Опять же примеров много. Мы знаем о китайских свопах с Белоруссией, что этот своп, его многие, особенно в белорусском ЦБ, поминают самыми нехорошими словами. Как видите, механизм этот на текущий этап не сработал, хотя уже, по-моему, два года как китайцы выдали свои юани.

Реплика: Здесь, наверное, можно вспомнить дефолт 1998 года: когда Россию накрыло, все страны тоже три года восстанавливались. Поэтому тут не только Россия, но и другие страны СНГ тоже будут в плохом положении. То есть не надо здесь спешить с этой валютой, тут надо подумать, понимаете.

Т.Д. Валовая: Понимаете, в чем дело. Наша экспертная задача – предложить, куда идти дальше, и чисто логически нам надо идти к валютному союзу. И, действительно, там есть развилка: рубль или наднациональная валюта – когда мы это обсуждали с Белоруссией в 2003 году, мы настояли на том, что наш валютный союз будет ассиметричным – по образу и подобию Бельгийско-Люксембургского союза. Белоруссия берет российский рубль в качестве своей национальной валюты – такой вариант у меня никаких вопросов не вызывает, мне кажется, это был бы хороший вариант и на троих – с Казахстаном. Политически понятно, что он для Казахстана очень сложный, почти убийственный, но я понимаю, что он, очевидно, может работать и не несет в себе каких-либо существенных рисков для нас. Поэтому эту тему нам тоже надо проработать не в плане этапности, а именно с того, что, допустим, если у нас три участника в нашем ТС. То есть мне, понимаете, что хотелось бы получить: если нас трое, то нам никакая наднациональная валюта, заменяющая российский рубль, казахстанское тенге и белорусский рубль не нужна – тогда нам нужен российский рубль и ассиметричный союз. Это такая политически неявная конструкция, но экспертно мы ее совершенно независимо можем предложить, если мы сочтем, что она необходима.

Но до этого нам надо ответить на два вопроса, которые у нас стоят в повестке дня. Это расширение роли рубля в международных расчетах - я говорю, я совсем не уверена, что нам надо распространять расчеты в рублях на такие товары нашего стопроцентного экспорта – нефть и газ, потому что за счет них мы можем как раз балансировать свои собственные закупки. Но, может быть, это не так, может быть, эксперты-валютчики скажут, что это все будет все равно, у нас баланс сойдется. И второе, мне бы хотелось понять: то, что мы можем ставить вопрос о валютном союзе. Валютный союз же может иметь несколько форм, и координация валютной политики – это, по сути дела, и есть первая стадия валютного союза. Но мы можем ставить об этом вопрос, если у нас уже есть в этом экономическая потребность, если мы с вами можем сказать, что за счет девальвации своей национальной валюты там на 20% Белоруссия получила на российском рынке конкурентное преимущество и статистика свидетельствует, что после этой девальвации по таким-то секторам, где мы совершенно четко конкурируем, у них пошло резкое увеличение экспорта, и, соответственно, резко теряет российский производитель, тогда мы должны выносить эту тему как очень важную и актуальную. Поэтому, мне кажется, в этом ключевом экономическом, прагматическом ключе нам бы сейчас подумать.

Л.И. Хомякова: Тут есть еще один тонкий момент: страны, которые не обладают значительными валютными запасами, но при этом торгуют на рынке СНГ – Армения, например, часто об этом заявляет, говорит: «Мы готовы платить за российские товары своими армянскими драмами». И что мы получаем: у нас торговые потоки совершенно несопоставимы между Россией и Арменией, мы получаем большое количество драм, которые не знаем, куда девать при таком развитии событий. Валюты у Армении нет, но они готовы при этом использовать российский рубль, к примеру, на текущем этапе и, таким образом, хотя бы торговые потоки и платежи, связанные с ними, более или менее балансировать. Поэтому это тоже достаточно дискуссионный вопрос – что нам делать с теми странами, у которых валюты нет в принципе, а собственная национальная валюта, естественно, кроме как во внутреннем обороте, не может использоваться.

Т.Д. Валовая: В свое время для этих целей как раз Межгосударственный банк и создавали. Если вы помните, в 1994 году его как раз создавали по образу и подобию Базельского банка для Европейского платежного союза – многосторонний клиринг и некие потом регулирующие расчеты. И, кстати, может быть, это как раз одна из тех тем, которые мы сейчас обсуждаем это то, что делать с Межгосбанком, надо посмотреть. Но меня, честно говоря, очень волнует, что мы не создали замкнутую систему. То есть эти переходы, если они не скоординированы на национальные валюты, они могут создать какое-то действительно замкнутое объединение. Одно дело Китай с его масштабами товарооборота, и совершенно понятно, там на долгие годы активным платежным сальдо – то есть они могут спокойно и смело выводить свою валюту на расчеты, и другое дело мы, где мы очень зависим от конъюнктуры энергорынков и т.д.

Мне бы хотелось все-таки статистически, конкретно и на моделях посмотреть, что, условно говоря, произойдет, если мы скажем, что давайте платите за все в наших российских рублях. Если бы кто-то из экспертов мог посчитать эту модель, к чему она приведет для нашего баланса и для состояния наших валютных резервов, то было бы, конечно, очень интересно, потому что нам-то, когда мы выезжаем за рубеж или с целью заключения контрактов, с личными целями, нам рубли не нужны – нам нужны евро или доллары.

Ф.Г. Габуния: Если позволите, немного дополню. По поводу моделирования у меня еще такой вопрос: если мы смотрим – на валютный союз в формате тройки, вообще строилось ли каким-то образом моделирование, которое бы учитывало абсолютно противоположное движению рубля и тенге по отношению к белорусскому рублю в зависимости от изменения цен на энергоносители? Потому что, как я понимаю, пошла цена на нефть вверх – наши тенге и рубль крепнут, потому что зависимость примерно одинаковая, а белорусский рубль, соответственно, наоборот испытывает повышенную нагрузку. Если мы приходим к единой валюте, будет ли эта конъюнктура продолжать действовать на экономики одинаковым образом, и, соответственно, при отсутствии, в данном случае в Минске, возможности девальвироваться, какую нагрузку в итоге нам придется взять на себя, чтобы удерживать их на плаву? Потому что все методы выравнивания с теми диспропорциями, которые у них происходят – а сейчас, судя по всему, они большие, - они у них упадут. Это каким-то образом рассматривалось?

Л.И. Хомякова: Наверное, больше даже рассматривается с точки зрения последующего введения единой валюты. Потому что есть разные точки зрения. В уже упоминавшейся системе переводного рубля сейчас находят плюсы, там не надо было создавать резервы и т.д. А что касается единой валюты, то очень многие именитые эксперты высказываются о том, что она будет основана на рубле. И, естественно, российская экономика на своих плечах будет выносить все тяготы, с этим связанные. Поэтому не хотелось бы сейчас давать заключение, хорошо это будет или плохо.

Ф.Г. Габуня: А оценивали ли масштаб этой нагрузки?

Л.И. Хомякова: Пока масштаб нагрузки не оценивали, но понятно, что она будет.

Т.Д. Валовая: А можете оценить? Потому что то, о чем говорит Филипп Георгиевич – это ассиметричные шоки, – мы обсуждали это еще в 2003 году, когда была первая попытка сделать валютный союз на двоих. Мы тогда говорили о том, что действительно будет ассиметричный шок, как это компенсировать, и в принципе там база для введения валютного союза на двоих на базе российского рубля она же вся создана, она вся есть – она просто по политическим причинам не была запущена. Поэтому мне, честно говоря, хотелось бы в работу в валютном союзе ввести следующее: чтобы мы могли сказать о том, что это естественно логичный следующий этап интеграции - к этому, как говорится, мировой опыт всегда подводит, но он должен быть очень аккуратным и точным. И, соответственно, он тоже многоэтапный.

Первый этап – это координация валютных курсов – то есть привязка, совместные колебания, режим Европейской валютной змеи в туннеле (*European Currency Snake, Snake in the Tunnel* — *соглашение о координации действий стран-членов Европейского экономического сообщества*) и т.д., и что нам для этого надо, и почему нам это надо, если нам это вообще надо. То есть, если мы отвечаем, что нам это не надо, то тогда нам не нужен и валютный союз. Тогда давайте честно ответим, что валютный союз нужен просто в качестве какого-то политического бантика, но экономически он нам не нужен. Я думаю, что это не так. Думаю, что особенно сейчас с Белоруссией мы могли бы, но нам нужна статистика. И у меня действительно большая просьба. Потому что там нужна голая статистика, показатели, что уже в рамках Таможенного союза эти колебания курса сказываются.

А дальше нам надо ответить на два простых вопроса - у нас есть понимание, что мы делаем на троих валютный союз, ясно, что никаких вариантов: делаем ли мы его на базе введения российского рубля как общей валюты этого союза, или делаем наднациональную валюту – вот эта развилка, на которые нам надо ответить.

И примыкающий к этому вопрос – он не только относится к нашей интеграционной теме, но, мне кажется, он все равно неизбежно возникает – это как раз риски и возможности расширения международной роли рубля и расчетов, где нам тоже нужна статистика и модель. Плюс, если мы сейчас убираем этот контур внутренний, то возникает вопрос, а что нам надо делать в СНГ в валютной сфере – нам это тоже не забыть, потому что эти валютно-финансовые вещи в рамках СНГ тоже интересны. Понятно, что там не может быть ни валютного союза, ни, я думаю, даже координации валютной политики, но что-то там должно быть. И вот здесь возникает эта сфера расчетов в рублях, и - если нам это нужно, экономически выгодно и т.д., - что мы здесь могли бы предложить.

То есть у меня просьба хорошо поработать и к следующему нашему заседанию дать какую-то статистику, потому что по этому поводу статистики нет никакой.

А.Н. Спартак: У меня буквально два слова, и мы тогда перейдем к последнему вопросу. Меня здесь беспокоит вопрос совместимости той работы, которая сейчас уже ведется и чем дальше, тем это будет все более емкая и значимая работа с Межгосударственным банком по выстраиванию механизмов валютно-финансового сотрудничества стран с СНГ) со все-таки другим уровнем валютного сотрудничества, который предполагает возможное создание валютного союза в рамках тройки. Здесь эти вопросы есть, потому что большая часть того, о чем вы говорите, - это, естественно, касается именно валютно-финансового сотрудничества стран СНГ. Многие вещи здесь носят абсолютно рациональный характер, но это один контур, который нас интересует, и здесь мы – ясно – не можем сильно оторваться от достаточно слабой нашей материальной базы сотрудничества. И

действительно, мы мало что покупаем у наших партнеров, и они у нас мало что покупают, и поэтому возникает естественный вопрос: зачем нам эти валюты друг друга.

Но это – контур СНГ, а вот контур валютной интеграции трех стран, где заведомо большие возможности, тоже, конечно, очень интересен – он сам по себе интересен и интересна совместимость этих направлений работы. Был Экономический суд СНГ, а сейчас уже не хватает его и будет другая структура...

Коллеги, у нас еще один интересный вопрос – давайте его поднимем сегодня: как формировать и расходовать бюджет. Бюджета нет, но он же должен быть, если мы сейчас рассматриваем перспективу создания полноценного наднационального органа.

Т.Д. Валовая: По бюджету как раз очень интересный вопрос, очень интересная тема, потому что бюджета нет. У нас есть смета на содержание органа, и есть некие сметы на некие программы. Нам, действительно, надо обсуждать: Если мы делаем наднациональный орган и серьезно развиваем интеграцию нам надо делать наднациональный бюджет, который не будет зависеть от доброй воли сторон. В Европе они решили просто, сразу отдали все импортные пошлины, забыли эту тему, потом пошлин стало мало, они стали брать дополнительные взносы, которые сейчас составляют основную. Для нас пошлины – это святое, потому что они составляют очень существенную часть наших бюджетов. Может быть нам подумать о том, что какой-то процент от этих пошлин, условно говоря, 1%, 2%. Не знаю сколько, а потом нарастающим итогом. В общем, здесь есть тема, которую можно пообсуждать. Но есть вопрос, над которым я бы просила подумать специалистов – это, наверное, бюджет, налоговая. Это вопрос по экспортным пошлинам. Вообще само их существование в рамках интеграционного объединения. Потому что у нас по этому поводу ходят различные мысли. Мы понимаем, что с экспортными пошлинами долго жить нельзя. Они безумно мешают всем нашим интеграционным процессам.

С одной стороны, они не помогают, потому что они как бы заманивают. Мы всем говорим, что будем в интеграции, отменим экспортные пошлины. Это у нас ресурс на какую-то краткосрочную перспективу есть. Но, с другой стороны, когда мы закрываем весь наш экспортный контур, у нас постоянно возникает тема – с импортными пошлинами мы разобрались, как мы будем их делить, как мы будем их контролировать, а с экспортными не можем. Унифицировать мы их не можем, поскольку у нас совершенно разные условия, мы их никогда не унифицируем. Проконтролировать, как товары, которые, допустим, в России облагаются экспортными пошлинами, а в Казахстане не облагаются, в отсутствие таможенной границы мы не сможем. Понятно, что мы будем нарываться и сами создавать себе скандалы. Есть понимание, что вроде бы от экспортных пошлин, конечно, нам надо уйти. С другой стороны, как-то боязно, потому что резко скакнут внутренние цены. У меня сейчас нет готового ответа на этот вопрос. Поэтому просьба к нашим налоговикам, на которых я смотрю, подумать над этой темой, чтобы мы могли высказаться применительно к развитию наших интеграционных процессов. Экспортные пошлины – могут ли они в этих условиях сохраняться или не могут. Чем нам их тогда заменять? Вот на эту тему подумать.

А.Н.Спартак: Евросоюз нам не во всем указ, но все-таки многое рационально делалось и делается в Европейском союзе. Поэтому какие-то элементы опыта и наработки, которые есть у них, могут быть нам полезны. Елена Дмитриевна, сотрудник нашего института «ВНИКИ», проблемой европейской интеграции занимается длительное время.

Е.Д.Чеботарева: Татьяна Дмитриевна (*Т.Д.Валовая*) уже показала в своем выступлении значение этой проблемы, поэтому мне об этом не надо говорить. Я только скажу, что бюджет ЕС имеет две особенности, отличающие его от бюджетов всех других международных организаций, включая даже подавляющее большинство интеграционных.

Во-первых, он финансируется за счет собственных финансовых средств, туда отчисляются автоматом таможенные пошлины и определенная часть налога с оборота, 0,5%. Сам налог собирается в каждой стране по своим ставкам, но 0,5% все страны должны отчислять в бюджеты ЕС. Сейчас, поскольку этих средств не хватает в связи со снижением таможенных пошлин, поступления от таможенных пошлин, в общем, сокращаются. Та часть, которая зависит от налога на добавленную стоимость, очень варьируется в связи с кризисом. Поэтому самое надежное – это отчисления от ВВП.

Но надо сказать, что они не сразу пришли к этому. И долгое время каждый год собирались министры финансов и рассуждали, в какой степени страна будет финансировать бюджет. Это было очень сложно, и у них родилась идея финансировать на автоматической основе, за счет собственных средств. Но этот вопрос я сейчас даже не буду обсуждать, потому что, по-видимому, не наш менталитет, и реальные возможности наших стран не позволяют перейти сейчас к системе финансирования бюджета ТС или в перспективе Евразийского экономического союза за счет собственных средств. Тем более что и в ЕС сейчас эта система стоит под вопросом. Речи о ее полной ликвидации не идет, но в Лиссабонском договоре четко сказано, что необходимо пересмотреть эту систему собственных средств, от чего-то отказаться, естественно, в договоре об этом не сказано. Может, включить какие-то новые источники. Для них это тоже сейчас вопрос.

Но вот другая особенность единого бюджета, мне кажется, вполне может быть использована за счет бюджета, который составляется и действует на региональном уровне. Финансируются не только административные расходы органов ЕС, но и, частично, деятельность этих органов по проведению в жизнь политики Евросоюза. И вот в связи с вероятным созданием Евразийского экономического союза для нас представляет значительный интерес. Дальше я прямо перейду к плюсам и минусам, я не буду объяснять всю технику ЕС. К плюсам относится то, что в ЕС единый бюджет является эффективным инструментом проведения экономической политики. И не только экономической политики, сейчас даже выходит за эти рамки. И под экономической политикой я понимаю и внутреннюю, и внешнюю политику.

Первый плюс – это весомое дополнение кредитно-финансовых институтов ЕС. И средств, которые может получить под гарантию этих институтов на международном рынке капиталов. Кроме того, этот бюджет позволяет финансировать очень важные расходы ЕС в связи с политикой устойчивого роста и курсом на создание экономики знаний, повышающим роль научно-технических программ, инновационных программ и так далее. Потому что эта сфера в меньшей степени интересуется крупный капитал и позволяет привлечь то, что идет финансирование через бюджет в виде грантов, субсидий, предполагает привлечение к реализации этих целей большое количество научных малых и средних предприятий, и, во всяком случае, облегчает им доступ к рынку капитала. Но на этот не все способны.

Кроме того, помимо такого чисто экономического значения, я бы отметила в числе плюсов повышение престижа объединения ЕС. Та же самая программа Erasmus - она фигурирует в бюджете ЕС, а это не только обеспечивает подготовку специалистов, которые, в какой-то степени, потом будут работать на ЕС, но и способствует повышению значения ЕС для общественности. То, о чем мы говорили в прошлый раз. Ну, пока что этот Таможенный союз страшно далек от народа.

Реплика: Это может быть, и хорошо?

Е.Д.Чеботарева: Может и хорошо, я с Вами согласна. Но, как это было с ВТО, на определенном этапе это может сыграть против наших благих намерений, потому что пресса, обладая недостаточными знаниями, иногда раздувала негативные последствия присоединения – не мне Вам объяснять. Вы прекрасно это знаете, и все здесь присутствующие это знают. Минусы – дополнительное отвлечение средств в единый бюджет из национальных бюджетов и их обезличивание. Здесь я не согласна с некоторыми выступающими, которые это обезличивание подавали как чистый недостаток. Если исходить из "шкурных" интересов каждой страны, то может быть. Но в данном случае основным источником средств будут российские средства, какие бы другие страны ни присоединялись. Интересам России отвечает повышение престижа, имиджа Евразийского экономического союза, дальним его интересам. Хотя, может быть, сейчас нам важнее, чтобы вся помощь, которую мы оказываем, ассоциировалась именно с Россией. Но здесь надо смотреть более широко.

Потом возникает проблема частичной потери национального контроля над отчисляемыми средствами, но, как показывает практика Евросоюза, эта проблема не так страшна, как кажется на первый взгляд. Потому что в ЕС – это данные самой комиссии – только 22 процента средств расходуются самой комиссией без вмешательства стран. 76% бюджетных средств находятся в совместном управлении Европейской комиссии и стран-членов. Но это достигается, опять же, с помощью различных комитетов, которые контролируют весь бюджетный процесс, начиная с составления бюджета, распределения собранных сумм между отдельными статьями и дальше, касаясь распределения потом по конкретным проектам.

Большим минусом является возможность возникновения конфликтов при определении доли отдельных стран в финансировании бюджета. Но тоже, как я сказала, это было одной из причин, почему они перешли к идее собственных автономных финансовых средств ЕС. Эту проблему можно решать и как в ЕС решают – сейчас отчисления из национальных бюджетов входят в число собственных финансовых средств. Но при этом они избежали ежегодного обсуждения, то есть там шкала распределения согласована на несколько лет вперед. Это дает возможность автоматом получать необходимые средства. А уже потом, когда возникают какие-то дисбалансы между доходами и расходами отдельных стран, резко падает ВВП по сравнению с тем, который был принят во внимание при расчете предварительной шкалы, тогда проводятся корректировки. Конечно, это тоже "не сахар", но все-таки легче, чем согласовывать другие страны каждый год. И в ЕС, помимо годовых бюджетов, там составляются многолетние – 5 или даже 7 летний бюджет. Это бюджетный план, они называют это прогнозом. Это позволяет всем заинтересованным в едином бюджете странам представлять, что они примерно могут получить в том или ином году. Но, естественно, требуется строгий контроль и над распределением бюджетных средств и их целевым использованием.

В Евразийском экономическом союзе этим должен заниматься наднациональный орган, в ЕС этим занимается комиссия и Счетная палата, которая осуществляет аудиторский контроль над исполнением не только бюджета, но и всех решений. Кроме того, в комиссии есть специальный департамент по вопросам бюджета. И если с какой-то страной – как у нас с Белоруссией и Казахстаном – возникает ощущение, что кто-то не переводит полностью причитающиеся суммы, то привлекается независимая аудиторская экспертиза. На мой взгляд, к идее надделения Евразийского экономического союза собственными средствами можно вернуться позже, это не принципиальная, по моему, проблема, а вот преимущества – они явные, риски, связанные с отвлечением средств России в единый бюджет, могут быть минимизированы с помощью давно известных механизмов.

Т.Д.Валовая: Спасибо, очень интересная информация. Здесь, я думаю, есть над чем порассуждать, потому что проблематику единого бюджета мы сознательно в предыдущее время не рассматривали, и даже не в связи с тем, что это отвлечение средств, а просто в связи с тем, что не очень понятно, на что этот бюджет тратить. Потому что отвлечь средства - не очень страшно, но было не понятно, во имя чего это делать. Поскольку у нас почти единственная статья расходов – это содержание административного аппарата, то соответственно, проще его содержать за счет ежегодных взносов. Было бы очень полезно в плане дальнейшего развития интеграционного процесса подумать и ответить на несколько вопросов: По ходу сегодняшней дискуссии у меня появляются вопросы, на которые хотелось бы получить ответ методом опроса – да, да – нет, нет. А дальше уже какие-то углубленные.

Первый вопрос – нужен ли нам в целом этот бюджет. Появляются ли у нас уже сферы компетенции, где нам этот бюджет мог бы пригодиться. Навскидку – обустройство внешней границы Таможенного союза. Делать ли нам это за счет своих собственных национальных средств каждому самому или проводить за счет общего бюджета? Какие-то меры в сфере аграрной политики, промышленной политики. То есть посмотреть, что есть у нас на базе тех соглашений, которые мы уже подписали, не забегая никуда вперед. Вот мы подписали большой пакет документов, в том числе – по ЕЭПу. Появилась ли у нас уже потребность в неких ресурсах? Которые бы мы из года в год понимали, на что эффективно тратить, и тратить более эффективно, чем мы на что-то складываемся.

Инновационное развитие, различные проекты в сфере обучения и передвижения молодежи, студентов по обмену. Вот это первый вопрос, на который нам бы ответить. Если мы скажем, что нет, еще рано, еще не пришло время, но в перспективе это возможно - это один сценарий. Если мы говорим, что да, возможно, нам это как бы нужно, но хотелось бы пообсуждать – хотелось бы тогда получить ответ на следующий интересный лично для меня вопрос: должны ли наши голоса соответствовать нашим взносам в бюджет. Это совершенно внутренняя тема, поскольку у нас пока мы голосуем пропорционально тому, как мы платим. То изначальный базовый принцип, на котором стоит ЕврАзЭС, на котором стоит Таможенный союз – что, сколько ты платишь, столько у тебя голосов. Вот у России 57% голосов, мы вносим 57% бюджета, у нас 57% квотных работников и так далее. Вот эту схему мы закладывали, еще когда не было наднационального органа и была другая ситуация. Может быть, пришло время от этого как-то отходить. Не знаю. Не уверена. Хотелось бы выслушать незашоренную точку зрения.

Третье. Если мы говорим, что нам нужны самостоятельные средства – какие мы могли бы задействовать сюда инструменты. Какой-то процент импортных пошлин, или какие-то отчисления от ВВП. При этом нам надо ответить, допустим, на второй вопрос - для чего, потому что мы сможем с вами выстроить такую схему отчислений, которая приведет к тому, что у России будет по прежнему 57% отчислений в бюджет. Бюджет будет иной, и он будет формироваться автоматически, но все равно у России там будет примерно 57%, у наших партнеров – по 21%. Или мы сделаем какую-то другую схему, согласно которой у России будет 70% или 80%, а у наших партнеров меньше. И здесь тогда уже возникает вопрос цены интеграции, как мы это показываем. Тема бюджета, которая не является для нас вопросом сегодняшнего дня, 2011 года, но мне кажется, она очень интересная и требует серьезной проработки, и действительно, просила бы всех подумать сначала над вот этими вопросами. Нужно ли нам это или мы еще к этому не готовы. Готовы ли мы разорвать голоса и взносы, и какие, как говорится, источники могут быть. Все остальное – проще.

Реплика: Я бы добавил сюда еще четвертый вопрос. Независимо от того, какой вариант будет предпочтительным, единый бюджет или развитие за счет национальной валюты, надо продумать вопросы контроля. Контроля эффективности использования средств... Счетная палата не все может. По крайней мере, у нас такой, колоссальный, опыт контроля за средствами, выделяемыми на союз России и Белоруссии. И могу сказать, не вдаваясь в подробности – конечно, мы пока контролируем средства на содержание аппарата. Эффективность использования бюджетных средств – это большая проблема интеграции.

Т.Д.Валовая: Мне кажется, бюджет Союзного государства в другую историческую эпоху создавался, большой объем средств на программы – это то, что закрыли лазейку в федеральном бюджете, теперь мы это финансируем за счет союзного бюджета. Хорошо, что хоть программы в союзном правительстве стали высокотехнологичными, по сути дела, венчурное финансирование, где-то что-то получается, где-то что-то не получается. К сожалению, мы потом подойдем к еще более грустной теме, нежели необходимость создания Счетной палаты – у нас возникнет вопрос и о какой-то парламентской структуре. Но парламентскую тему я бы сейчас предложила вывести за рамки, потому что там мы просто утонем.

А.В.Кузнецов: Кузнецов, руководитель Центра Европейских исследований ИМЭМО РАН. Вот как раз в продолжение темы бюджета ЕС и может быть, даже, ответов на вопрос. Опыт ЕС – он очень интересен, но он, скорее, интересен ошибками. Я бы не стал его идеализировать, потому что по тем же доходам, как показала, их длинная история, невозможно предусмотреть средства, оторванные от государства. То есть их попытка сначала с таможенными платежами, потом с НДС, который связан со странами, но, в общем-то, тоже размыт. Годы показали, что все возвращается к проценту от ВВП. Каждая страна – член ЕС. (даже благополучная страна) выдвигает претензии, что она платит, и вообще – не надо забывать, что есть такое понятие, как скидка Великобритании.

Великобритания давным-давно отказалась платить пропорционально своему ВВП. И все страны, включая Болгарию или Румынию, за нее возвращают средства. Там это красиво объяснено, почему это делается, но факт остается фактом, что страны не платят. Поэтому учитываю, что у нас все-таки три участника, здесь куда проще делать прозрачную схему, на мой взгляд, фиксированных платежей, когда будет действительно ясно, кто платит за интеграцию. Но в данном случае нечего этого стыдиться, потому что тот, кто платит за интеграцию, будет с другой стороны, понимать, сколько он платит, и при этом может посчитать, сколько он от этой интеграции получает. Потому что, в противном случае, это будут действительно спекуляции “ЭйТи” в экспертном сообществе у политиков разных течений, что вот страна, якобы, только платит и ничего не получает в обмен. Что касается расходов, то полностью согласен, с тем, что вообще-то надо еще очень серьезно подумать о том, на что тратить деньги. Потому что как раз опыт ЕС показал, что поспешная, наверное, в конце 50-х - начале 60-х годов идея поддерживать сельское хозяйство привела к тому что они оказались в итоге заложниками. Поэтому аграрная промышленная политика при том, что она важна в пространстве наших стран, все-таки не должна быть ключевым элементом расходов, если это будет действительно создан бюджет, ощутимый по своим объемам. А речь должна идти действительно о проектах инновационного характера, причем именно тех, которые действительно имеют характер трансграничный. То есть если это образовательные проекты, то именно те образовательные проекты, которые немыслимы без координации финансовой сферы. Когда именно это будет связано с созданием, по сути, с трансграничного в рамках Таможенного союза или более широкого пространства образовательных сетей. Если речь идет об инновационных проектах науки инновационных производств, то опять-таки четко ориентироваться на то, какие это отрасли. будет выход и на промышленную политику, но не в таком масштабном

виде, а именно точно. То есть речь идет именно о том, что бюджет нужен в том случае если мы понимаем, что у нас есть какие-то фундаментальные задачи и мы должны быть готовы к ответным претензиям, или просьбам, или предложениям со стороны других стран Таможенного союза или потом ЕЭП. По части региональной политики мы должны понимать, что если дело не ограничится тремя странами, а добавится Киргизия, Таджикистан, то европейский опыт будет очень нагляден, не хочет ли Россия поддержать, отсталые регионы в своих интересах. Но на самом деле готовы ли мы будем платить за подъем, допустим, казахстанских киргизских и таджикских регионов из общего бюджета. Потому что, в конечном счете, мы видим, что произошло с очень неплохой бюджетной системой ЕС. Сейчас, когда немцы жалуются, что они всех финансируют, хотя это не всегда так на самом деле. Спасибо.

Т.Д.Валовая: Идея насчет того, чтобы посмотреть на опыт ЕС с точки зрения того, какой у него был негатив, очень нравится. Почему? Потому что эта тема рано или поздно у нас возникнет: создавать нам бюджет и на каких принципах. По сути дела то, что вы сказали действительно так оно и есть, Европейский союз во многом после всех этих пятидесятилетий пришел к той схеме, которую мы изначально заложили, то есть по сути дела какой-то средневзвешенный размер от ВВП. То есть мы договорились - у России 57%, у тех государств - 21% и 21%. Это условно было, потому что у нас естественно ВВП в общем объеме гораздо больше. Но, тем не менее, поскольку это было привязано к голосам эта была такая схема. Но поскольку эта дискуссия будет постоянно возникать мне, конечно, было бы очень интересно, если бы допустим вы могли бы все вместе аналитическое исследование в вашей рабочей группе провести. Которое показало бы, что ныне действующая система формирования бюджета в ЕС не так уж сильно отличается от того, что есть у нас по принципам. То есть по сути дела берутся некие какие-то параметры. Другое дело, что сейчас у нас это там копейки, могут быть миллиарды. Но вот принцип он нормальный, то есть тогда мы ответим на тот вопрос, что да, мы сохраняем нынешнюю процентовку - 57%, сохраняем привязку к голосам, а дальше уже смотрим-эту тему мы можем как бы закрыть, дальше уже смотрим расходы на соответствующее увеличение. Мне кажется это было бы очень интересно еще пообсуждать и вот потом найти какое-то такое консенсусное решение. Потому что тема эта будет возникать, потому что она на слуху.

Реплика: Я очень коротко о теме бюджета. Есть еще две проблемы, косвенно с ним связанные. У нас наша комиссия таможенного союза будет наделена с 2013 г. правом проводить расследования и штрафовать в случае нарушения антимонопольного законодательства. И, соответственно, это получение дохода, который должен, куда-то пойти, куда непонятно. И обратная ситуация она может проиграть суд, если производитель пострадает от ее решений, которые она может принимать в абсолютно разных сферах. Кто-то должен будет по этому иску компенсировать, кто это – тоже непонятно поэтому в этом смысле (тут вот плоскость бюджета) вопрос действительно актуальный. Хотя пока мне сложно представить такой глобальный бюджет какие-то проекты инфраструктурные или даже в инновационной сфере. В гуманитарной области, чтобы обеспечить полноту своих полномочий, в том числе привлечение научных сторонних организаций, это – да. А вот пойти шире, как в ЕС - пока не очень.

Т.Д.Валовая: У нас «тройка» сейчас финансово в худшем состоянии, чем Союзное государство. У Союзного государства есть огромные средства, мы не всегда понимаем, как они тратятся и как рождаются эти программы. Я несколько раз разбиралась, но это - сумасшедшее дело. А с другой стороны, действительно – внешняя граница, передвижение студентов, вот если какую-то программу – то есть вот какие-то понятные вещи, которые

нам нужны. Или в сфере техрегулирования, может там тоже что-то потребуется, может, единые техрегламенты разрабатывать.

Спартак А.Н. Уважаемые коллеги, ну наверное с позволения Татьяны Дмитриевны я возьму на себя и подведу итоговую черту в нашем очень конструктивном диалоге. Хотелось бы поблагодарить Вас за активное участие в сегодняшнем обсуждении проблемных вопросов! Наша встреча в сравнении с предыдущим заседанием группы 21 февраля оказалось по накалу обсуждаемых вопросов еще более выразительной и потому в том числе по времени еще более длительной! Мы хорошо сегодня поработали, определили наши приоритеты, на чем сконцентрировать нашу работу на ближайшее время. Следующее расширенное Заседание группы давайте мы будем ориентировочно с Вами планировать в третьей декаде апреля, о чем будет загодя вывешено прежде всего на нашем официальном сайте 2020strategy.ru (в соответствующей рубрике по группе 21) и дополнительно продублировано Ответственным секретарем нашей группы Шепелевым Сергеем Владимировичем каждому члену группы соответствующее приглашения на участие в очередном собрании. На этом предлагаю наше второе расширенное собрание группы 21 считать закрытым.